

ВИКТОР
НОЧКИН
• АНДРЕЙ •
ЛЕВИЦКИЙ

Эромагия

Заклятые миры

Виктор Ночкин

Эромагия

«Автор»

2008

Ночкин В.

Эромагия / В. Ночкин — «Автор», 2008

«Жезл Страсти». Магический артефакт немыслимой силы, перед которым самые мощные приворотные зелья кажутся попросту детскими игрушками. На беду свою вызвалась юная ведьмочка Анита доставить этот жезл своей наставнице Беринде – и уж трижды на беду решился сопровождать Аниту влюбленный в нее рыцарь Шон Тремлоу. Кто только не мечтает завладеть этим волшебным сокровищем! Любвеобильный дракон и суровые ведьмы-амазонки, королевские воины и жестокие колдуны из женоненавистнического Братства... Однако с этим еще хоть как-то можно разобраться. Когда же в ситуацию впутываются еще и людоеды-гоблины, вороватые гномы и таинственный метаморф с далекого Востока, она принимает и вовсе невероятный оборот...

© Ночкин В., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	21
3	28
4	35
5	40
6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Андрей Левицкий, Виктор Ночкин

Эромагия

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Часть первая

1

Завидев блондина, Анита уставилась на него во все глаза – вот уж красавец! И ведь как раз в ее вкусе: высокий, кудрявый, крупные правильные черты лица и подбородок что твоя наковальня. Она всегда питала слабость к таким шикарным светловолосым громилам без страха и упрека.

Анита шла между двумя стражниками, еще двое топали сзади и спереди. Руки у нее были стянуты за спиной, на шее – цепь, конец которой держал идущий впереди сержант. Блондин же просто направлялся куда-то по своим делам, но, увидав их, встал столбом. Нарядом незнакомцу служили кожаные штаны и кожаная безрукавка – расстегнутая, обнажающая мускулистую грудь, поросшую рыжим кучерявым волосом. На ремне меч, на подбородке шрам, на лице двухдневная щетина – наверное, будет колотиться, если... и глаза голубые!

Анита расправила плечи так, что вырез на платье разошелся пошире. Хотя бюст у нее был не очень большой, но он таки *был*, и вообще она отлично знала, как выглядит: невысокая, смуглая, черные, коротко стриженные волосы, губы бантиком, подбородок с ямочкой, а глаза большие и слегка раскосые. И ноги длинные. На платье справа имелся не то чтобы разрез, а скорее разрыв – след от потасовки со стражниками, когда неподалеку от городской стены они поймали ее. Длинный разрыв, аж до пояса. Взгляд Аниты скользнул вдоль улицы, но тут же сам собой вернулся к блондину. Тот стоял, медленно поворачивая голову, следя за конвоирами и их пленницей. Когда они приблизились, здоровяк потер кулаком подбородок и открыл рот.

– Эй, вы... – Голос у него был какой надо, старая Беринда называла такие голоса барионами. – Куды ее ведете?

Стражники остановились, когда незнакомец преградил им дорогу.

– Ты какого хрена тут стал? – рыкнул сержант.

Все конвоиры, кроме сержанта, толстого и багроволицего, были ничем не примечательными личностями. А начальник их с самого начала проявлял к Аните интерес, заглядывал в вырез ее платья и пару раз назвал дочкой.

Они с блондином встали друг перед другом, чуть не упираясь животами.

– Ты чиво? – спросил сержант, приподнимаясь на цыпочках – незнакомец был куда выше его.

– А ты чиво? – откликнулся блондин.

– Прочь с дороги!

– Отпусти ее.

– Отпустить? Да ты кто таков ваще? Эта ж ведьма! – Теперь сержант чуть не подпрыгивал, будто задиристый петух.

Глаза Аниты сами собой распахнулись, подбородок приподнялся.

– Уходи, путник! – сказала она и поняла, что голос прозвучал так, как если бы она произнесла «Иди ко мне».

– А ты молчи! – Зазвенев цепью, толстяк обернулся к ней.

Блондин шагнул вперед, и сержант толкнул его в грудь. Вернее, попытался, потому что здоровяк перехватил руку (пленнице показалось, что он сделал это машинально), вывернул и дернул так, что сержант полетел на мостовую, выпустив конец цепи. Другие конвоиры закричали, и какое-то время вокруг замершей Аниты мелькали кулаки и раздавались вопли. Никто не успел вытащить оружия – противники стояли почти вплотную друг к другу, и драка закончилась, едва успев начаться.

Вскоре стражники валялись на мостовой и дружно стонали, а блондин возвышался над ними, растерянно хлопая своими голубыми глазищами – кажется, он только сейчас понял, что произошло.

Сержант встал на четвереньки, помотал головой и нашарил висящую на шнурке сигнальную дуду.

– Беги! – крикнула незнакомцу Анита, оглядываясь. Справа сплошные высокие заборы, а слева, между двумя домами, ограда в половину человеческого роста... – Топай отсюда! – повторила она. – Сейчас другие появятся...

Сержант засвистел на всю улицу. Стражники поднимались, охая и морщась. Блондин наконец сообразил, что к чему: схватил Аниту в охапку и сиганул через ограду.

В полутемном сарае-развалюхе он поставил Аниту на ноги. После бешеной гонки, когда здоровяк, прижимая ее к себе, петлял по дворам и перемахивал через изгороди, голова слегка кружилась. Покачнувшись, девушка боком привалилась к непрошеному спасителю.

– Пенек! Чурбан! – простонала она, тяжело дыша.

– Чиво? – удивился он. – Я ж тебе спас.

Она поморщилась и сказала:

– Ладно, теперь уж что. Тебя как звать?

– Тремлоу. Шон Тремлоу. – Он взял ее за плечи и повернул спиной к себе.

– Э! Ты чего делаешь?

– Так эта... ошейник снять...

– И как ты собираешься его снять...

На ошейнике спереди была петля, а сзади – две дужки и замок. Анита качнулась, когда Шон дернул его и с хрустом сломал. Потом прошуршал меч, и разрезанные веревки упали с ее рук.

Даже имя у него было мужественное. Когда Шон Тремлоу, бросив сломанный ошейник на пол, вновь встал перед ней и окинул взглядом с ног до головы, у Аниты слегка задрожали колени. Она быстро заговорила, пытаясь скрыть смущение:

– Ну, спасибо тебе. Смелчак выискался. Шон, говоришь? А я – Анита. Анита Бенсай, так меня зовут. Что ты делаешь в Пер-Амбое, Шон Тремлоу?

Они стояли рядом, глядя друг на друга, для чего Аните пришлось задрать голову вверх – ее макушка едва доставала до его груди. Шон сунул меч в ножны, почесал шрам на подбородке и развел руками.

– Хожу вот, – промямлил он.

Так и есть, решила она, умом мы не блещем, да? Но зато...

– Тута турнир скоро должен быть, вот я и... А эти... – Он махнул рукой куда-то за спину. – Чиво они тебя схватили?

– Ну... – Анита обошла Тремлоу по кругу, искоса разглядывая его. – Решили, что я ведьма. А в Пер-Амбое сейчас правит Валдо Мосин, слышал ведь про такого? Он и раньше ведьм не жаловал, не пускал в город, а тех, кто попадает к нему, он... Ну, ты знаешь – всякие ведь слухи ходят. Вот а сейчас, я слышала, к нему какой-то Жезл Страсти попал, так Валдо совсем уж озверел.

Слишком много говорю, решила она, да еще и голос дрожит. Надо успокоиться...

– Ты чернявая, – заявил Шон. – Потому с ведьмой спутамши.

Он медленно поднял руку, вновь почесал подбородок, глянул по сторонам и шумно вздохнул. На мужественном лице отразилась внутренняя борьба. Анита поняла: до Тремлоу тоже наконец дошло, что они стоят в таком располагающем к любезностям месте, как заброшенный сарай, полный соломы... она попятилась было, но Шон, что-то проворчав, одной рукой обхватил ее за талию, а второй за плечи и притянул к себе.

В первое мгновение Анита обмякла, повисла на его руках, сложив губы сердечком и чуть ли не поджав ноги, но потом чувство долга взяло вверх – она заорала, несколько раз ударила его кулаками по плечам, уперлась в грудь и оттолкнула.

– Отвали!

– А чиво? – засопел Шон и отступил.

Обиделся, надо же. Чувствуя, что коленки опять дрожат – и на этот раз уже не слегка, – она оправила платье. Грудь ее тяжело вздымалась.

– Ты ж сама... – Шон, ссутулившись, отвернулся.

– Что, что я сама?

– Сама... так сматрела...

– Как я смотрела? Ничего я не... – Она замолчала. Ну да, смотрела. Ей даже стало жалко Шона – он сейчас напоминал медведя, перед которым сначала поставили кадучку с медом, а когда он вознамерился сунуть внутрь морду, убрали. – Ну ладно, Шон Тремлоу, не сердись.

Она схватила здоровяка за руку и выволокла из сарая, потому что место это и вправду было опасным.

Снаружи высилась стена бурьяна, за ней – изгороди. Крыши замка, стоящего на холме в центре лесного города Пер-Амбой, сверкали в солнечных лучах.

– Ты не сердчай, – сказала Анита. – Просто я так сразу не могу.

– Чиво не можешь?

– Я еще не готова к этому, понимаешь?

– Чиво – не готова?

– Ну, мне надо... то есть чтобы... Мы должны лучше узнать друг друга, познакомиться поближе, то, се...

– Так давай поближе! – обрадовался здоровяк, хватая ее за талию, но Анита сбросила его руку.

– Нет! В смысле... Ты что, никогда не ухаживал за девушками?

Шон с легким удивлением воззрился на нее.

– Зачем девок-то... Я все больше мужиков...

– Что?! – испугалась она.

Не может быть! Этакий дивный образчик мужчины пропадает зазря... Но как же так, почему он тогда к ней...

– Не, я к тому, што... – Тремлоу неопределенно махнул рукой, потом хлопнул по рукояти меча. – Как, бывало, уха... уходишь кого-нибудь. Я и пятерых зараз ухадить могу, ежели некрупные попадутся...

Анита почувствовала облегчение.

– А! Нет... Я говорю, что ты, например... Ну, можешь сводить меня куда-нибудь пообедать. Я ж даже не завтракала сегодня, а уже полдень. Деньги есть у тебя? Сколько? Ого! На трактир точно хватит. Только меня теперь искать будут, надо найти какой-то захудалый, на окраине. И по улицам осторожно ходить. Идем, идем, Шон Тремлоу.

В трактире народу было немного, и они сели возле окна. Хозяин, стоя так, чтобы Шон не видел, вовсю пялился на Аниту. Она заметила, что Тремлоу за столом расположился лицом к дверям. Может, не просто наемник, подумала она, может, бандит какой? Хотя... слишком добродушный для бандита.

Она ограничилась куриным крылышком с вареной картофелиной, запив все это стаканом разведенного холодной водой вина. Шон подналег на баранину в остром соусе, сжевал краюху хлеба и вылакал две кружки пива. Манерами он не блистал, но все же какое-то понятие о застольном этикете имел – допив вторую кружку и громогласно рыгнув, Тремлоу изящно промокнул рот краем жилетки, а после вытер руки о штаны.

- Ты вообще чем занимаешься? – спросила Анита, догрызая крылышко.
- Ну... – Он с довольным видом откинулся на стуле. – Я эта... навроде наемник.
- И зачем прибыл в Пер-Амбой? Думаешь тут работенку какую найти?
- Ага.

Склонившись над тарелкой, Анита исподлобья разглядывала его. Старая Беринда говорила: девицы твоего типа, мелкие и худые, любят мордovorотов богатырского сложения. Анита отнекивалась, отвечала, что она предпочитает утонченных умных мужчин, но про себя понимала, что старуха права. С утонченным умным мужчиной приятно поговорить, все остальное приятнее делать с богатырем. В идеале, конечно, желательно найти умного, тонко чувствующего богатыря, с которым после всего еще и поболтать можно, но такие на свете не водятся.

Она широко зевнула, прикрыв рот ладошкой. Поспать этой ночью не удалось – сначала паром, потом пришлось долго идти по лесу, а утром, когда среди деревьев уже замаячила городская стена, она попала на глаза стражникам...

– Спать хочу, – сказала Анита. – Ближе к вечеру надо что-то решать, а сейчас слишком жарко, голова не варит. Ты чем думаешь заняться?

Лицо Тремлоу не отличалось особой выразительностью, но по нему ясно можно было понять, чем он сейчас предпочел бы заняться.

– У тебя ж еще монеты остались?

Он похлопал по поясу, на котором болтался кошель.

– Так сними комнату в этом трактире. До вечера, а там поглядим.

Шон радостно заморгал, по-своему поняв предложение снять комнату, и пошел договариваться с трактирщиком.

Когда они поднимались по лестнице на второй этаж, Анита повернулась к Тремлоу, со счастливым видом топающему следом, и сказала:

– Ты не лыбься. Я и вправду просто поспать хочу, понял?

Улыбка увяла, и Шон вновь стал напоминать обиженного медведя-альбиноса. В комнате Анита стащила туфли, но больше ничего снимать не стала и улеглась на кровать под стеной. Окно закрывала серенькая занавеска, здесь было прохладней, чем в зале на первом этаже. С улицы доносились приглушенные голоса горожан, ржание лошадей, иногда стучали колеса по камням. Вытянувшись на спине, она запрокинула руку за голову и прикрыла глаза. Шон походил-походил от стены к стене, а потом сказал:

– Я тады погуляю.

– Погуляешь? – сонно переспросила она.

– Похожу по городу, мож, чего тересного увидаю... увижу.

– Лучше бы тут сидел. Теперь стража и тебя будет искать. Хотя... в Пер-Амбое, наверное, много всяких здоровых мужиков со светлыми волосами.

– Та я осторожно, – заверил он. – А тебе вот лучше не высовываться. Здесь таких, как ты, и нету, всех извели. Тока... я тады дверь запру, лады?

– Что? – Она приоткрыла один глаз.

– Ну шоб никто не вошел, пока ты спишь.

– А, ну давай, – согласилась Анита.

Ей приснилось, что она лежит на кровати в какой-то избушке, и тут откуда ни возьмись появляется Шон Тремлоу, ложится рядом, и тогда становится ясно, что он голый. Анита думает, что это очень удачно, но почему-то Шон ничего не делает, просто лежит себе на спине и смотрит в потолок. Тогда она медленно поворачивается на бок, лицом к нему... И чудится Аните, что не сама она это делает – что-то теплое настойчиво подталкивает ее, шевелится внутри и двигает ее телом. Она кладет ладонь на широкую грудь, приподнимает голову и склоняется над Шоном. А он все равно лежит и не шевелится, как распоследний болван.

В то мгновение, когда Анита, вся трепеща, уже почти коснулась губами его губ, она проснулась. И обнаружила, что и вправду обнимает Шона – увы, не голого, – а он лежит, боясь пошевелиться, чтоб не разбудить и не спугнуть ее. Девушка ахнула, резко села и принялась натягивать туфли.

– Та я просто передохнуть прилег, – стал оправдываться Шон, садясь рядом. – Погулял-погулял – ничего тересного, ну я и вернулся. Ты дрыхнешь. А мне чё делать? Я и лег рядом.

– Ладно! – сказала Анита, сердясь больше на себя, чем на Шона. – Сколько времени уже? Вроде темнее стало...

Дверь с треском распахнулась, и в комнату ввалились несколько стражников во главе с давешним сержантом-толстяком. Шон скатился с кровати, но до своего меча, который перед тем, как лечь, вместе с ножнами поставил в углу, дотянуться не успел – клинок сержанта уперся ему в шею. Стражники обступили Тремлоу, а вошедший следом колдун в мантии из разноцветных лоскутов сделал сложный жест левой рукой. Вскочившую Аниту что-то невидимое толкнуло в грудь. Вверх тормашками перелетев через кровать, она свалилась под стеной.

– Ух-ух-ух!

Морщась от боли в плече и держась за стену, девушка выпрямилась.

У колдуна в лице преобладали кривые линии – нос крючком, брови дугами, рот изогнут уголками книзу. Тощая длинная шея, казалось, едва выдерживает вес маленькой головенки с зализанными волосами и жгуче-черными, будто подведенными краской тонкими бровками. Он стоял, опираясь на посох в правой руке.

– Кто вы такие? – взвизгнула Анита, хотя и так прекрасно знала, кто это.

Колдун в ответ махнул сведенными вместе пальцами, и ее что-то сильно ударило сбоку по лодыжке, будто кто-то невидимый сделал подсечку. Ойкнув, она вновь упала.

– Перестаньте!

Вместо ответа колдун поднял руку, сложив пальцы щепоткой. Платье на груди натянулось, как если бы ее схватили сзади за шиворот, и Аниту приподняло в воздухе. Колдун разжал пальцы – она полетела на пол.

И стукнулась подбородком так, что из глаз полетели искры. Шон Тремлоу дернулся, пытаясь встать, но мечи стражников уперлись в его плечи и грудь.

– Хватит ужо, – произнес сержант, неодобрительно поглядывая на колдуна. – Чиво ты с ей так?

– Так ведьма она, – отвечивал колдун дребезжащим голосом. – Недостойна иного обращения, проклятущая баба.

– Баба – это правда, но какая с ее ведьма? – возразил сержант. – Так, девка какая-то сельская.

– Я не ведьма! – пискнула Анита.

Колдун обошел кровать, сделал движение обеими руками – и после этого невидимый великан схватил Аниту в охапку и рывком поставил на ноги.

– Как есть ведьма, – объявил колдун, приглядываясь к ней. – Ух-ух-ух! Амулет на тебе какой-то спрятан, что ли? Не разберу. В замок ее! И этого... – Он оглядел Шона и ухмыльнулся: – И этого тоже.

Когда он, оставив стражников разбираться с пленной парочкой, покинул комнату, сержант в сердцах плюнул и тихо пробормотал в адрес колдуна какое-то нехорошее слово.

Замок стоял на холме в центре города. Зубчатые стены, башенки, подъемный мост, разноцветные флаги... Впечатление портила только здоровенная виселица очень зловещего вида. Сейчас на ней никто не болтался, но рядом из земли торчал шест с грубой картонной табличкой в виде широкой стрелки, показывающей в сторону виселицы. На табличке большими корявыми буквами было написано: ДЛЯ ВЕДЬМ, а под надписью виднелся рисунок – фигура на

помеле, чтоб и неграмотный догадался, о ком речь. Анита вздохнула: летящая на помеле была брюнеткой, да еще и смуглой и даже – надо же! – с короткими волосами.

Пленников сразу же потащили в подвал, оказавшийся еще более унылым и даже слегка пугающим. Вдоль скудно освещенного коридора тянулся ряд решеток, ограждающих камеры. Внутри не было ни души – королевские темницы сейчас пустовали.

– Ух-ух, – проблеял колдун. – Запри этих птичек по клеткам! И особенно следи за девкой, поелику ведьма она.

Анита заметила, что тюремщик старается близко к магу не подходить и поглядывает на него с гадливостью. В ее сторону тюремщик тоже поглядывал, но совсем с другим выражением.

– Не извольте беспокоиться, – отозвался он. – У нас здесь немало ведьм перебывало, еще ни одна не жаловалась.

– Да какая с ее ведьма... – повторил багроволицый сержант, позади которого стояли стражники. – Так, девчонка...

– Ведьма, ух-ух, натуральная, всамделишная. Токмо на ней заклятие возлежит, потому она ведьмовской силой своей не может воспользоваться. Заколдованного амулета не видать при ней... Но мы доищемся, найдем, что с ней такое. Уж кто-кто, а лорд Валдо визнает, что да к чему... Так что бди, тюремный человек.

Сержант, проводив взглядом гордо удаляющегося колдуна, плюнул и, дождавшись стука двери наверху, обратился к тюремщику:

– Великий лорд-то, может, и доищется, но ты, слышь, эта... Не забижай девку. Ведьма она или не ведьма, а ныне ей и так досталось. Ежели колдунишко не соврал, так колдовать и ведьмовать она все едино не может – стало быть, и не ведьма вовсе. Так што не тюкай ее без надобности, а я вскорости зайду проведу.

– А с этим что? – Тюремщик указал на Шона. – Этого тож скажешь холить и нежить?

– Не... – Сержант почесал подбитый глаз. – Уж этого-то быка суды по заслугам...

Стражники подождали, пока тюремщик застегнет на шеях узников стальные ошейники, которые были прикованы цепями к массивным кольцам, до половины вмурованным в стены. Потом сержант увел своих людей, повторив напоследок, что зайдет проведать Аниту.

Тюремщик прошелся между решетками, поглядывая на Шона, присевшего на корточки под стеной, и велел:

– Эй, малышок, а ну подойди-ка. Не, вправду подойди.

Голос у него был не злой, скорее веселый. Шон медленно поднялся и сделал несколько шагов. Цепь натянулась, не позволяя приблизиться к решетке.

– Ага! – довольно гыгкнул тюремщик. – Не можешь, а? Ведь не можешь же? – Он весело подмигнул пленнику и заключил: – То-то же! – после чего покинул подземелье, шаркая стоптанными башмаками и громко звеня связкой ключей на поясе.

«Что за жизнь такая? – подумала Анита растерянно. – То тебя хватают и заковывают, потом спасают... и не успеешь оглянуться, как ты опять закованная, да еще в темнице!» Она-то рассчитывала провести это лето совсем иначе, такие планы строила, ведь впервые за много лет свободное время появилось, и если бы не старая Беринда... Девушка присела на кучу соломы в углу, обхватила колени и стала наблюдать за Тремлоу. Тот сосредоточенно изучал цепь, перебирая звено за звеном. Выбрал. Ухватился и крепко потянул. Лицо покраснело от натуги, на руках выступили жилы. Цепь застонала, но выдержала. «Хороший здесь кузнец...» – выдохнул Шон. Скинул безрукавку, широко расставил ноги, обеими руками ухватился за цепь и вновь потянул. Когда он выгнулся всем телом, на спине и руках взбугрились мышцы. У Аниты в груди зашевелилось, заворочалось что-то теплое, подступило к горлу. Сглотнув, она поднялась с соломы и завороченно шагнула в сторону наемника. Тот, не добившись результата, выпрямился. Цепь повисла дугой от его шеи к стене. Анита мелкими шажками приближалась

к решетке, пока ошейник не сдавил шею. Вся трепеща, она остановилась и горестно уселась на пол посреди камеры.

Шон принялся наматывать цепь на согнутую руку, медленно приближаясь к вмурованному в стену кольцу. Анита наблюдала за ним. Когда от стены блондина отделяло не больше пары шагов, он уперся сапогом в камень, повторил: «Хороший кузнец...» – и рванул. С тихим хрустом массивное кольцо вышло из стены вместе со здоровенным металлическим клином.

– ...А каменщик – плохой, – заключил Тремлоу.

Анита едва сдержалась, чтобы не засучить ногами и не выкрикнуть что-то вроде «Иииии!». Эта сцена, как Шон, напрягшись всем телом, выдерживает клин, почему-то совсем dokonала ее.

Наверху послышался звон ключей и тихие голоса. Дверь отворилась, и давешний сержант затопал по ступеням. Донесся голос тюремщика:

– Меньший – от ошейника, больший – от двери.

Шон быстро вернулся к дальней стене, вставил клин в отверстие, сгреб в кучку рассыпанную солому и уселся, привалившись спиной к камням.

Дверь над лестницей захлопнулась, но замок не щелкнул – значит тюремщик ждал там. Сержант покосился на Тремлоу – тот сидел неподвижно, закрыв глаза, – и принялся отпирать решетку в камеру Аниты.

Когда он вошел, узница поднялась навстречу.

– На вот, – сказал стражник, протягивая узелок, – пирожков принес... Кушай, а я пока цепочку сыму... Отдохнешь маленько, развеешься...

Анита взяла пирожок, а сержант завозился с ее ошейником.

– Покушай, покушай, – бормотал он. Ошейник, щелкнув, раскрылся. Широкая ладонь скользнула по ее спине и легла на талию.

– Я вот, панимаишь, подумал тут... – начал толстяк.

– Ах ты!.. – Она поперхнулась пирогом, выплюнула недожеванный кусок и попыталась заехать пяткой сержанту между ног. И не попала, зато следующий удар – локтем в переносицу – оказался точен. И кулаком по носу. Когда он отшатнулся, хватаясь за лицо, Анита еще и пнула в пухлое колено. Сержант упал.

Она бросилась в приоткрытую решетчатую дверцу. Стражник заорал, схватил ее за лодыжку. По лестнице чуть не кубарем скатился тюремщик. Анита рванулась изо всех сил, но толстые пальцы держали крепко. Она завизжала, сорвала со свободной ноги туфлю и швырнула в лицо тюремщику. Отшатнувшись, тот оказался рядом с противоположной камерой. Шон Тремлоу, поджидавший у своей решетки, поймал его за воротник и дернул. Стоптаные башмаки оторвались от пола, тюремщик ударился затылком о прутья, обмяк. Шон по-прежнему, удерживая его одной рукой, другой сорвал связку ключей вместе с поясом. Сперва на пол свалились освобожденные от ремня штаны, затем и сам тюремщик.

Лежащий сержант отпустил Аниту и завозился, нащупывая меч. Когда он сумел подняться, девушки в камере уже не было. Тремлоу отпер замок и вывалился в коридор. Сержант сорвался с места, но здоровяк толкнул дверцу ему навстречу. Стражник треснулся носом о прутья и завалился навзничь.

– И что теперь... – начал Шон своим обычным неторопливым голосом.

– Бежим!!! – Анита, подхватив туфлю, бросилась к лестнице. Тремлоу потопал следом. Цепь волочилась за ним, брэнча и высекая искры.

Они промчались по нескольким полутемным коридорам. Очередная вставшая на пути дверь оказалась заперта; Анита, налетев на нее, отшатнулась, и тяжело топочущий сзади Шон пропыхтел: «Посторонися!» Когда девушка отпрянула, Тремлоу, не сбавляя ходу, врезался в дверь всем телом и вместе с ней вывалился наружу.

Через проем полился яркий свет. Шон выпрямился, потянул к себе бренчащую цепь, и Анита шагнула за ним. Они попали в красно-зеленую галерею, на другой стороне которой вверх вели покрытые голубым ковром ступени. Сзади, от парадного входа, бежала, лязгая доспехами, толпа стражников с алебардами – не тех, что были с сержантом, а из внутренней замковой охраны. Подобрал вконец разодранную юбку, Анита выкрикнула: «За мной!» – и бросилась к лестнице. Звон позади стих, его сменило ровное гудение. Она оглянулась.

Стражники пятились, а Тремлоу надвигался на них, вращая цепь над головой. Стальной клин, выдернутый из стены темницы, кружился все быстрее, звенья полязгивали, воздух гудел. Между стражниками протиснулся офицер в бархатных бриджах и камзоле, в шикарных сафьяновых сапогах и открытом шлеме с пышным плюмажем из разноцветных перьев. К этому моменту цепь Шона уже превратилась в надрывно дребезжащий матовый диск.

– Дай сюда!

Офицер выдернул из рук стражника алебарду, зажав конец древка под мышкой, ткнул ею.

Дзык... дзык... дзык-дзыкдзыкдзык! Неясно было, лязгает ли это угодившее под цепь лезвие, или зубы вояки, чьи тела вдруг затряслись, заходили ходуном так, что очертания тела слегка расплылись.

– Ложися! – истошно завопил кто-то смекалистый, первым сообразивший, что сейчас произойдет. Шон подался вперед, дребезжащий матовый диск сместился, и древко алебарды с хрустом лопнуло. Стражники повалились на пол, стальная секира с визгом пронеслась в воздухе, срезав перья со шлема, впилась в стену. Еще несколько мгновений выпустивший сломанное древко офицер напоминал студень, лежащий на тарелке, которую кто-то очень быстро трясет. Ну а Шон как ни в чем не бывало продолжал вращать цепь.

– Тв... тв'м... тв'мть! – Воин, приобретший наконец человеческие очертания, держал себя за содрогающийся подбородок. Он пошатнулся, но устоял на ногах и сделал неверный шаг к наемнику. Разноцветные обрывки перьев усеивали его плечи.

– Ух-ух-ух! – раздалось над головой.

Вверху что-то бабахнуло, полыхнув голубыми искрами. Цепь в руках Тремлоу лопнула, изгибаясь в полете, пронеслась через комнату. Анита присела, зажимая ладонями уши, – гремя, цепь обрушилась на встающих стражников, сминая кирасы и шлемы, сбивая с ног. Лязг, звон, скрежет и хруст наполнили галерею.

По лестнице спускался колдун, морща кривой нос, ухая вполголоса и тыча перед собой посохом, с которого обильно сыпались искры. Он махнул рукой, направив набалдашник в сторону девушки, но та быстро присела, вцепилась в ковер и дернула – потеряв равновесие, колдун полетел вниз.

Анита едва успела отшатнуться, когда он прокатился мимо прямо под ноги Шону. Тремлоу перескочил через колдуна, ухитрившись в прыжке пнуть его ногою в зад.

– Вз... взть...

Офицер, стоящий с выпученными глазами и ладонями подпирающий подбородок, вдруг опять начал трястись – с головы и плеч дрожь волной скатилась вниз, достигла коленей, ступней – и исчезла.

– Взть'их! – рывкнул он, проглотив часть звуков.

Те стражники, что устояли на ногах, бросились вперед. Шон схватил Аниту за руку и рванул, увлекая за собой.

Вверх по лестнице, направо, мимо широкого окна, снова вверх... На последней ступени очередной лестницы девушка все-таки упала. Шон подхватил ее, вскинул на плечо.

На следующем этаже голубой ковер под ногами сменился красным, и наемник помчался вдоль резных дверей и декоративных колонн. Анита висела на его плече: головой вперед, а ноги болтались сзади. Тремлоу удерживал ее, крепко обхватив за бедра. Анита изнывала.

Впереди возник очередной колдун – обрюзгий, с измятым, словно пуховая подушка, лицом, а одетый, как и все остальные, во что-то пестрое и, по мнению Аниты, безвкусное до неприличия. Завидев беглецов, он вытянул посох им навстречу. Продолжая удерживать девушку левой рукой, Тремлоу правой подхватил стоящую под стеной тяжелую лавку и выставил, как щит, перед собой. Пытаясь разглядеть, что происходит, Анита выгнулась, но разобрала мало. Впереди грохнуло, голубые искры сыпанули во все стороны. Шон подбросил лавку, поймал на подставленную ладонь – и метнул вдоль коридора. Девушка дернулась, сползая с его плеча, засучила ногами, вывернулась из-под ладони и, наконец, прыгнула.

Передний конец летящей лавки ткнулся в набалдашник посоха. Сыпанув по сторонам искры и щепу, снаряд перевернулся в воздухе и другим концом треснул колдуна по макушке.

Беглецы рванули по коридору, а позади уже слышался лязг и топот. Чародей, обеими руками прижимая к себе скамью, медленно сползал по стене. Когда толпа дребезжащих латами стражников, сотрясая пол, промчалась мимо, он завалился набок и остался лежать неподвижно.

Анита, впрочем, этого уже не видела: она бежала, почти не касаясь пола, влекомая за руку Шоном. Тот мчался длинными скачками, на ходу дергая ручки проносящихся мимо дверей, а позади раздавался такой звон, словно за ними гналась лавка жестянщика.

Коридор закончился очередной дверью. Шон, выпустив руку Аниты, применил испытанный прием – не замедляя ходу, грудью врезался на преграду. Оказалось, что эта как раз не заперта: дверь легко распахнулась, и Тремлоу с протяжным ревом улетел в помещение за ней. Анита, не успев затормозить, вбежала следом.

Просторную комнату ярко озаряли лучи закатного солнца, льющиеся сквозь распахнутое окно. Стол, кресла, цветастые гобелены на стенах – все это Анита разглядела на бегу, остановиться же она сумела лишь в центре комнаты, над лежащим Тремлоу.

Обставлено помещение было необычайно аккуратно. Казалось, каждая вещь, каждый предмет занимает здесь предназначенное только ему место. Чернильница находилась точно в центре стола, две стопки пергаментов располагались строго симметрично справа и слева от нее, квадратный ковер на полу от каждой стены отделяло изумительно равное расстояние. И гобелены... Гобелены...

– Ух ты! – выдохнул Шон из-под ног Аниты, пялясь на них.

Цветные вышивки изображали полуобнаженных дев, скорее всего ведьм, – с хлыстами, плетками, иглами и еще какими-то неизвестными приспособлениями. Ведьмы что-то такое проделывали друг с другом, а что – не разобрать, хотя Анита точно знала, что ни за что на свете не хотела бы участвовать в подобном.

Только сейчас она заметила стоящего перед окном человека, который обернулся, лишь когда услышал голос Тремлоу. Зачесанные назад густые волосы с проседью, тонкие и правильные черты лица, аккуратно выбритые впалые щеки... Облик великого лорда так и светился благородством. И глаза его блистали, но светом иной природы – они горели безумием.

Валдо Мосин, бывший маг ее величества королевы Гроаны, тихий человек, обезумевший после пожара, в котором сгорело его семейство, ныне – верховный лорд, заточивший старую королеву в самой высокой башне замка, сумасшедший, изничтоживший всех окрестных ведьм и продолжавший убивать тех, кто попадал в его владения, по слухам, собирающий войско, чтобы напасть на обитель Лайл-Магель, центр ведьмовской Лиги...

– Сюрприз, сюрприз! – воскликнул Мосин, делая шаг к ним. Голос у него был под стать глазам – то есть совершенно безумный.

Шон, обежав девушку, захлопнул дверь, из-за которой уже доносился топот и лязг, поискал задвижку или засов – и ничего не нашел. Но Анита почти и не заметила, чем занят наемник:

у нее внутри все аж горело, руки подрагивали, в горле пересохло. Что-то мягкое, но сильное пыталось вырваться наружу из тела...

Валдо подошел еще немного ближе. На указательном пальце его правой руки блеснул перстень с алмазом. Анита, сумев наконец немного совладать с тем непонятным, что переполняло ее тело, повернулась к здоровяку. И тут же дверь распахнулась, ударив Шона с такой силой, что он не устоял на ногах – отшатнулся и упал под стеной. В комнату ввалились стражники и набросились на него.

Анита мало что могла разобрать: ее вновь захватила непонятная сила, мягкая, теплая и при этом очень настойчивая, такая, что сопротивляться ей не было никакой возможности. И самое ужасное – перед глазами замаячили, затрепетали в воздухе плохо различимые силуэты, очень смутные, расплывчатые... и в то же время она видела, что все они – мужские, да еще и без одежды... Плохо понимая, что делает, Анита шагнула к Шону.

– Ни амулета на тебе, ни медальона какого-нибудь зачарованного, – донеслось сзади. – И зачем же ты явилась... А раскраснелась-то как, порозовела вся! Чего это тебя так к нему тянет... Эй, не подпускайте их друг к другу!

Валдо обошел стол, вытянув руку ладонью вниз, ткнул указательным пальцем. Алмаз блеснул, и ноги Аниты оторвались от ковра.

Она повисла спиной вверх. Выгнулась, замахала руками и ногами. То горячее, что распирало ее изнутри, толкнуло тело вперед – она медленно поплыла по воздуху к Шону Тремлоу.

Шесть или семь стражников висели на нем. Взревев, наемник выпрямился и сделал шаг навстречу. Их лица сблизилась, Анита ухватила Шона за плечо и вытянула губы трубочкой.

– А поди-ка сюда. – Валдо поманил пальцем.

Рука сорвалась с плеча Тремлоу; дрыгая ногами, Анита проплыла через комнату и зависла перед великим лордом.

– Назад! Ко мне давай! – вопил Шон, дергаясь в руках стражников.

– Этот наемник, что ли, тебе должен амулет передать? – спросил Мосин. – Что-то я не пойму, что с тобой творится, ведьма... Ведь на блондинчике этом тоже ничего нет – я бы почувствовал... Ладно, так для чего ж ты пришла сюда, милая? Что ты мне сделать можешь, как одолеть собираешься?

Колдун крутанул указательным пальцем: девушку развернуло в воздухе, и лицо Мосина оказалось перед ней. Грудь ее вздымалась так, что платье трещало. Терпеть дальше не было никаких сил. Анита ухватила колдуна за шею, притянула себя к нему и впилась губами в его губы. То горячее, что наполняло ее, вырвалось наружу ослепительной вспышкой. Мосин завопил и отпихнул Аниту, она отлетела – и тогда наконец сила, поддерживающая ее в воздухе, исчезла.

Она упала, а то незримое, что вместе со вспышкой света вырвалось наружу, пронеслось через комнату и, ударившись в цветастые гобелены возле окна, исчезло.

– Тьфу, тьфу, мерзавка!

Шон позади затих. Встав на четвереньки, Анита оглянулась – Тремлоу лежал у стены под шевелящейся кучей стражников.

– Гадина противная, тьфу!

Ругался Валдо Мосин. Он вытирал ладонями губы, плевался и фыркал.

– Все вы, бабы, такие!

Попытившись, колдун присел на край стола.

Аните стало как-то полегче. Она все еще дрожала, но распирающая ее изнутри сила исчезла, и, слава всем богам, нагие мужики перестали маячить перед глазами. Девушка выпрямилась, стоя на коленях. Льющиеся сквозь окно лучи заходящего солнца багряным ореолом очерчивали фигуру колдуна. В комнате воцарилась тишина: Шон прекратил сопротивляться, стражники поднялись, окружив его с оружием на изготовку.

– Не хочешь, значит, говорить, что вы там в Лайл-Магеле затеяли? – задумчиво спросил Валдо. – Хорошо, придется тебя тогда пытаться...

В распахнутой двери появился офицер в шлеме со срезанным плюмажем.

– Слышишь, ведьма! – повысил голос Мосин. – Я думаю, вначале мы тебя...

Он принялся перечислять, что именно собирается проделать с ней перед тем, как приказать вздернуть на виселице возле замка, но Анита не слушала. И никто не слушал; стражники, Тремлоу, офицер – все замерли, глядя в одно место. Из гобелена на стене сбоку от колдуна появился зад.

Это был очень большой зад, обтянутый серой материей. Неуловимые особенности явно говорили о том, что он женский. Зад высывался не через прореху, не через какую-нибудь дыру в стене и расшитой ткани, но *сквозь* них. А еще – он был полупрозрачным.

– ...Суставодробилка тоже сгодится... – как сквозь вату доносился голос Мосина. – И клещи, думаю, придутся кстати...

Появились две толстые прозрачные руки, уперлись в стену и поднажали.

– Чего молчишь, ведьма? – спросил Валдо, до которого наконец дошло, что что-то не так.

По бокам от первого появились еще два зада, меньших габаритов, но также не лишённые основательности и мясистости.

А тем временем высокая женщина, ноги которой парили на некотором расстоянии от пола, повернулась лицом к присутствующим. Гобелен просвечивался сквозь ее тело. Стражники, залязгав доспехами, попятись к стене. Шон сдавленно выругался. Офицер в дверях затрясся, в шлеме его мелко задрезжала какая-то деталь; вояка ухватил себя за подбородок и выдавил:

– Вашм'лость...

У призрачной тетки имелся огромный бюст, большой живот и заплывшее лицо. Облачена она была в длинную, до пят, хламиду – полупрозрачную, как и все остальное.

– Вы куда пялитесь? – удивился Мосин.

– Карга какая-то, вашм'лость...

– Кого? Что ты бормочешь, болван...

Еще две фигуры, выбравшись из гобелена, зависли по бокам от великанши. Несколько меньших размеров, они имели схожие очертания и тоже просвечивались. Тяжелый, мертвенный взгляд призрака уперся в стоящую на коленях перед колдуном Аниту в порванном платье.

– *Вы видите, чем он опять занимается?*

Голос напоминал звук пилы, которой скребут жестяную трубу. Он разлился по комнате, как ржавая протухшая вода.

Анита глядела на колдуна. Когда призрак заговорил, глаза Валдо сначала стали большими-большими, а после забегали из стороны в сторону, кося так, будто он пытался, не поворачивая головы, разглядеть, что происходит позади.

– Маменька, *они* вам обратно изменяют, – перебивая друг друга, загнусавили призраки поменьше, – как тогда, с горничной...

Губы Валдо зашевелились, он силился что-то сказать, но не мог. Плечи его задрожали.

– Порочный негодяй, стыд, какой стыд... – Женщина медленно поплыла над полом в сторону Мосина. Ее голос приобрел заунывные интонации, но не потерял своей жестяной скребучести. – Горничная, эта худосочная гадюка, которую я пригрела на своей груди, аптекарша, а теперь еще и ведьма...

Даже Анита ощутила болезненную слабость, а все находящиеся в комнате мужчины начали морщиться, постанывая.

– Я не изменял тебе с горничной!

Валдо упал со стола, присел и наконец повернулся.

– Маменька, *они* еще и оправдываются...

Призрачная женщина нависла над колдуном, глядя куда-то вдаль поверх его головы, воздела пухлые руки.

– И я вышла замуж за *этого человека*...

Валдо, прижав ладони к ушам, выкрикнул:

– Откуда ты взялась?!

Но призрак не слушал:

– Я, дочь дворянина, за руку которой сражались самые богатые господа королевства...

– Да папаша не знал, куда тебя деть, в двадцать семь ты еще была не замужем...

– Я пошла за *этого*, только благодаря мне он стал придворным магом...

– Откуда ты взялась, Цинцилия?! Я же... ведь я вас всех...

Призраки окружили опустившегося на четвереньки Валдо, зависли над ним. Скрипучие голоса звучали громко, казалось, они заполняют все вокруг, пронзают стены и мебель, наполняя их мелкой дрожью. Стражники, офицер в дверях, Шон Тремлоу – все зажали уши руками. На лицах их был написан ужас.

– И что я получила взамен...

– Не надо было идти за *них*, маменька...

– Этот человек запускал руку под каждую юбку...

– Я не изменял тебе ни разу, Цинцилия!

– Стыд, какой стыд, *и даже с молочницей*...

– Да я ни разу не притронулся к ней!

– ...*Даже с молочницей, этой коровой*...

На столе чернильница, мелко дрожа, поехала к краю. Стопки пергаментных листов шатались, расплываясь. Валдо закричал. Он выпрямился, стоя на коленях, вращая рукой с вытянутым указательным пальцем.

– Умри, умри, умри!!!

Перстень засиял, разбрасывая вокруг алые лучи, но на призраков это не произвело впечатления.

– И теперь этот бесстыдный блудодей хочет убить нас...

– Во второй раз, маменька, – нажаловалась одна из дочерей.

Перстень погас, лучи исчезли. Валдо на четвереньках полез под стол. Призраки неторопливо переместились за ним. Голос скрипуче вещал:

– Уходил рано утром и приходил ночью, рассказывал, что при дворе много работы, а потом запер нас и поджег дом, чтобы никто не мешал бегать по бабам, и теперь, когда его *опять застукали*...

– Ты ни разу не заставляла меня с женщиной! – донеслось из-под стола.

– ...Теперь, не успели мы появиться, и я только попыталась заговорить с ним, как этот человек вновь набрасывается на нас...

– Вам надо было давно уйти от *них*, маменька.

Достигнув края стола, чернильница упала и разбилась. Со всех сторон доносилось поскрипывание – это, покрываясь паутиной трещин, медленно разваливалась мебель. Все мужчины лежали вповалку, зажимая уши. Несколько стражников потеряли сознание, а офицер из дверного проема исчез – Анита краем глаза видела, что в какой-то момент он, позеленев лицом, выпал в коридор и уполз.

– Замолчи, замолчи, замолчи!!!

– Маменька, давно следовало бросить это чудовище.

– Но я жалела его, я потратила лучшие годы своей жизни, пытаясь *сделать из него человека*...

Анита пригнулась, чтобы лучше видеть колдуна. Тот сжался под столом. Потускневшие глаза взглянули на нее, и тогда ведьма сказала:

– Теперь вы навсегда вместе.

– Видят боги, я хотела сделать из него настоящего мужчину, ответственного главу семьи...

По щекам колдуна текли слезы, но Анита безжалостно продолжала:

– Заклинание призвало их, они будут кружиться возле тебя днем и ночью, а ты ничего не сможешь поделать, теперь их не убить, не отогнать, они же бесплотны, они будут рядом каждое мгновение до самой твоей смерти.

– И какова благодарность? Когда я поняла, что он изменяет мне *даже с этой коровой молочницей*, решила поговорить с ним...

– Ты говорила беспрерывно с самой свадьбы, но никогда не слушала меня! – выкрикнул лорд Мосин.

– Кружиться возле тебя и днем, и ночью и говорить, говорить, говорить...

– Из-за тебя я... я лишился всей своей мужской силы!

– Помните, дочки, как я позвала вас и собралась решительно поговорить с ним, только раскрыла рот, как вдруг этот человек повысил на нас голос, он начал ругаться и запер нас в зале, а после поджег дом...

– Говорить, и говорить, и говорить... – продолжала Анита.

И тут Валдо Мосин закричал. В звуке, который он издал, смешались боль и ненависть, тоска и безграничный ужас – ужас перед осознанием того, что *так будет до самой смерти*.

– ...И все лишь затем, чтобы это бесстыдное чудовище, оставшись без надзора, могло пуститься во все тяжкие, чтобы никто не мешал ему блудить с горничными, с ключницами, с...

Валдо, перевернув стол, длинным прыжком подскочил к распахнутому окну и выпрыгнул наружу.

– ...с молочницами, с трактирщицами, с торговками, с кухарками, с прачками, с домохозяйками... Куда он подевался?

С самого своего появления призрачная мадам Мосин и ее дочери, удостоив лорда мимолетным взглядом, больше ни разу не взглянули на него. Из окна донеслись удаляющийся крик и глухой стук, когда тело свалилось на мостовую далеко под башней.

– Маменька, кажется, папенька выпрыгнули в окно.

Великанша оглядела пол у своих ног.

– Этот безответственный человек никогда не хотел слушать меня, всегда старался избежать серьезного разговора...

Фигура поплыла к оконному проему, две другие – за ней. Воцарилась тишина. Потом чей-то сдавленный, полный мистического ужаса голос из-под стены еле слышно прошептал:

– Запилила до смерти.

Анита встала и оглянулась. Стражники все еще лежали вповалку, но Шон Тремлоу уже выпрямился. Здоровяка покачивало, лицо его было бледным.

Из коридора донеслись быстрые шаги.

Призраки исчезли в окне. Анита подошла к нему, выглянула – вниз летели три силуэта, приближаясь к телу, распростертому на далекой мостовой. Раздался шум, ведьма оглянулась: несколько стражников уже встали, похватав оружие, остальные поднимались.

– А-а-атставить! – прогремело в дверях.

В комнату шагнул сержант. Нос его распух, на скуле расплывался синяк. За толстяком толпились стражники – не в красивых надраенных кольчугах, а в кожаных колетах. Не дворцовые гвардейцы, а городская стража.

Хитрые глазки сержанта оглядели комнату.

– Всем стоять!

Он быстрым шагом пересек помещение, покосился на Аниту и выглянул в окно. Некоторое время глядел, затем повернулся и спросил у нее:

- Это кто там внизу лежит?
- Лорд, – сказала Анита.
- Угу. А што за страсти над ним летают?
- Призраки его жены и дочерей.

Услышав приглушенные голоса снаружи, сержант проворно отскочил, пригнулся за перевернутым столом, глядя в окно.

– ...Нет, уж в этот раз тебе придется выслушать меня до конца, жестокосердный негодяй...

За окном проплыли четыре полупрозрачных силуэта. Трое что-то гундели заунывными голосами, а последний тихо ныл и всхлипывал. Явившиеся вместе с сержантом стражники попятились в дверях, выталкивая в коридор тех, кто стоял позади.

Призраки исчезли вверх, скребущие звуки их голосов постепенно стихли.

– Эх-ма... – сказал сержант сочувственно. – Вона как не свезло лорду нашему.

В дверях, раздвинув стражников, вновь появился офицер со срезанным плюмажем на шлеме. Бледно улыбаясь, он опасливо заглянул внутрь, обвел комнату взглядом, прислушался, расправил плечи и принял независимый вид. Стражники стали потихоньку расходиться – городские в одну сторону, ближе к сержанту, замковые – в другую, ближе к офицеру.

Толстяк поглядел на Аниту, на Шона и поскреб затылок.

– И чё нам теперь делать-та?

– Думаю, как и всякий честный сержант городской стражи, вы желаете стать капитаном, а значит, вам надлежит сию же секунду освободить ее величество из заточения в башне... Не так ли? – сказал Шон Тремлоу.

– Освободити... – Сержант задумчиво уставился на здоровяка – как и Анита, только ее взгляд выражал не задумчивость, а другое чувство.

– Можно было бы и освободити... – протянул сержант. – А ты, молодец, кто таков вообще?

– Шонтрайль де Тремлоу де Ривилль де Крайсак, кавалер Ордена Меча и...

– ...племянник ее величества, – подсказал офицер из дверей.

– И в настоящий момент полномочный представитель Лиги ведьм, – закончил сэр Шонтрайль. – Идите в башню, капитан, исполните свой долг – освободите королеву.

Сержант покосился на Аниту и вдруг подмигнул ей.

– Равняйси! – заорал он. – Смирна-а! Слыхали, чё сказали его светлость?

Часть стражников, что были в доспехах попроще, выпрямились. Шон Тремлоу перевел взгляд на офицера.

– А вы, господин... господин начальник замковой стражи...

– Вообще-то, пока еще не н'начальник, – сказал офицер.

– От ваших действий в ближайшие полчаса зависит, станете ли вы им... еще до вечера.

Офицер склонил голову, раздумывая, щелкнул каблуками сафьяновых сапог и обратился к бывшему сержанту:

– П'здравляю вас с н'значением. Башню, где томится наша н'счастливая королева, охраняют трое к'лдунов почившего лорда. Городской и замковой страже н'длежит провести совместную акцию, не так ли, к'питан?

– Чё там – акцию, – проворчал толстяк. – Надрать задницы старым педикам, и весь сказ. Пошли, что ль?

– В башню! – скомандовал офицер.

Стражники, потолкавшись в дверях и погромев латами, скрылись.

Анита оперлась о перевернутый стол, провела ладонью по лицу и вздохнула.

– Вы уже... как вы себя чувствуете? – несколько неуверенно спросил Шон.

Ведьма чувствовала себя не очень – вырвавшееся наружу заклинание, посаженное в ее тело Бериндой и другими старухами из обители Лайл-Магель, оставило слабость и пустоту. Пытаясь прийти в себя, Анита прошлась по комнате. Голова слегка кружилась.

– Вы все вспомнили? – спросил Шон.

Встав возле двери, она вновь провела ладонью по лицу и заговорила:

– Я... теперь вроде да. Я как раз выпускной экзамен сдала и должна была на работу по специальности куда-нибудь устраиваться – но это осенью, а все лето было свободным... И тут старая Беринда сказала, что есть серьезное дело. Я согласилась, тогда... В общем, потом Беринда зачаровала меня, чтобы я не помнила о заклинании, да? Если бы что-то не получилось, если бы я не смогла... если бы под руку в нужный момент не подвернулся мужчина... Чтобы под пытками не рассказать Мосину весь план, я не должна была помнить всех подробностей?

– Вот именно. – Тремлоу подошел ближе. – Валдо окружил себя мужчинами, и все должно было сработать, но Лига решила подстраховаться и провести операцию совместно с Орденом Меча.

Она потеряла лоб.

– Это заклинание... оно так и рвалось наружу. Я чувствовала себя... – Анита замолчала, раздумывая, как обращаться к этому человеку. – Сэр... я чувствовала себя так, словно...

Тремлоу склонил голову, пряча улыбку.

– По плану я должен был тогда сцепиться со стражниками, чтоб они и меня схватили. Но... не получилось. Инстинкты, знаете ли. Не вышло сдержаться – тело, так сказать, само собой дает сдачи обидчику. Но так или иначе после они все равно арестовали нас, так что я, как и задумывалось, был рядом. Чтобы уж... чтобы, как вы выразились, под рукой в нужный момент точно оказался...

– Но в нужный момент вас все равно не оказалось, пришлось целовать колдуна! – запоздало возмутилась Анита. – Гадость какая... И еще! Зачем это вы, сэр, лезли ко мне там, в сарае, и позже? Ставили под угрозу всю операцию! Тоже инстинкты?

Шон наклонился к ней, заглядывая в глаза.

– Простите, это все ваша ведьмовская... ведьмовская притягательность. Тоже не получалось сдержаться. Вернее, получалось едва-едва. С чего, думаете, Мосин изничтожал ведьм? Потому что возненавидел всех женщин? Но обычных горожанок его колдуны не трогали. Он боялся ведьм, ведь магия делает вас... ну, вы должны понимать...

– Ах, так вы, сэр, значит, просто не могли совладать с моей ведьмовской харизмой?

– Не только. То есть... Дело не только в том, что вы ведьма. Вернее – не столько. Вы и сами по себе... Я хотел еще спросить. А вы? Это только заклинание, которое стремилось сработать? Только магия и больше ничего или...

Голова закружилась сильнее, Анита покачнулась, чуть не упав.

– Что с вами? – Шон поддержал ее. Ведьма обхватила Тремлоу за шею, покосилась на дверь и захлопнула ее ногой.

На некоторое время в бывших покоях великого лорда наступила тишина.

Впрочем, продлилась она совсем недолго.

2

Вроде бы их уединения никто не пытался нарушить, хотя сейчас Анита не была в этом уверена. Даже если кто и стучался – они не заметили.

Давно стемнело, взошла луна, по всему замку царила тишина. В конце концов наступила она и в бывших покоях великого лорда. Впрочем, здесь тишина была особой – расслабленно-усталой. Лунный свет вливался в окно, озаряя две фигуры, лежащие на полу среди разбросанной одежды.

Анита нащупала юбку, потянула на себя и накрылась ею. Они с Шоном лежали на спине, плечом к плечу и глядели в потолок.

– И часто тебе такие, как я, попадают? – спросила она слегка севшим голосом.

– Таких, как ты, ни разу не встречал, – признался Тремлоу. – Что-то такое все же в тебе есть... ведьма. Честно сказать, до сих пор в себя прийти не могу...

– Ага, – согласилась Анита. – И меня все еще трясет.

– Трясет... – задумчиво протянул Шон. – Трясет? Ёлки-палки – трясет!

Они одновременно сели. Трясло не только молодую ведьму – похоже, замок мелко дрожал. По полу, дребезжа, прокатилась сброшенная со стола покойным Мосином чернильница. В комнате потемнело, луну заслонил огромный силуэт. За окном коротко прошуршало – Анита едва разглядела мерно раскачивающиеся веревки. Кто-то спускался по ним, быстро мелькали фигуры...

Шон был уже на ногах. Подхватил свою одежду, ножны с мечом и бросился к двери.

– Ты чего? – выкрикнула она, выискивая в темноте блузку.

– Что-то внизу происходит... Идем!

Аните ничего не оставалось, как последовать за рыцарем. Одеваясь на ходу, они промчались по темному коридору – пол под ногами дрожал. Ведьма собиралась сбежать по лестнице, но Шон, ухватив ее за руку, втолкнул в узкую нишу, шагнул туда сам и встал, прижав к стене. Меч он вытащил из ножен и держал перед собой. Стенка чуть качалась, весь дворец трясся.

В коридоре послышались мягкие шаги.

Мимо ниши один за другим прошли шестеро в черном. Они остановились в нескольких шагах от лестницы. С первого этажа лился свет и доносились тревожные голоса.

– И где ж его искать? – прошелестел первый.

– Валдо или Жезл?

Это слово, «Жезл», было произнесено с таким уважительным трепетом, который явно давал понять, что начинается оно с заглавной буквы.

– Найдем Валдо, узнаем, где Жезл... Но Жезл нужнее. Идем в подвал, великий лорд может быть там – опять ведьму какую-нибудь допрашивает с пристрастием.

Черные силуэты метнулись к лестнице, тут же внизу раздались вопли и лязг оружия. Отпихнув Тремлоу, Анита выбралась из ниши. Лестница была очень красиво подсвечена снизу разноцветными искрами боевых заклинаний – на первом этаже шло сражение. Шон с оружием наготове затопал по ступеням, и ведьма пошла следом. Пока они осторожно спускались, шум стих. Судя по всему, сражение завершилось победой напавших на дворец чужаков, стража убежала. Приоткрытая дверь темницы красноречиво свидетельствовала, куда направились пришельцы.

На первом этаже дрожь ощущалась не так сильно. Анита хотела было направиться за незнакомцами в черном, но Шон придержал ее за руку.

– По всем правилам военной науки, за дверью засада, – пояснил он шепотом. – Помнишь, какой там коридор тесный? Поскольку дворец атакован чародеями, то я полагаю, что

мне нападать на них не очень умно. Ты можешь использовать против них что-нибудь волшебное? Какие-нибудь специальные чары?

Анита покачала головой.

– Вообще-то я не очень разбираюсь в боевой магии... Понимаешь, меня другому учили...

Я должна была стать воспитательницей. За детьми смотреть...

– Гм... – протянул Шон, взвешивая в руке клинок. – Надо же, а я думал... Так, ага...

– Что ты думал?

– Нет, я просто...

– Что просто? Говори!

– Ну, я думал, ты специализируешься на эротической... Ну, сама знаешь, ведь целая школа есть: чарошутра, сексовство, магоитус...

– Глупости! – возмутилась Анита.

– Нет, почему же глупости? Нормально... То есть мне понравилось...

Не выдержав, ведьма пнула Шона в бок кулаком, хотя с тем же успехом могла ударить городскую стену.

– Нормально? – переспросила она с таким выражением, что Тремлоу поспешил поправиться:

– Ну то есть превосходно. Великолепно! Э... классно! Мне *очень* понравилось, спасибо за прекрасную ночь, в смысле – прекрасные полночи... Да! В том-то и дело – ночь еще не закончилась, и происходит что-то странное, а мы выглядим крайне глупо, выясняя отношения именно сейчас и именно здесь...

Лучше бы ты оставался болваном, как раньше, подумала Анита. Было какое-то особое удовольствие в том, чтобы общаться с мужчиной – натуральным самцом, могучим и первобытным. А теперь она начала даже опасаться: вдруг Шон умнее ее? Хотя, с другой стороны, общаться с умным мужчиной – в этом, пожалуй, есть своя прелесть.

– Нет, погоди, – сказала она. – Я сейчас кое-что попробую. Меня обучили одному сильному заклинанию. Знаешь, иногда дети не хотят спать, как их ни укачивай... И вот на этот случай...

Она повернулась к двери, зажмурила для надежности глаза и, шепча заклинание, принялась выполнять магические пассы. «Баю-бай, баю-бай...» – расслышал Шон, и ему тут же нестерпимо захотелось спать. Рыцарь торопливо отступил с «линии огня», зажал уши руками и отвернулся. Вскоре Анита подергала его за полу безрукавки.

– Эй, отомри!

– Готово?

– Сделала все, что могла.

– Тогда по моей команде – дергай дверь.

Анита шагнула к ней и, когда Шон кивнул, рванула на себя. Тремлоу, заноса меч, прыгнул в темный проем. Вскоре оттуда донесся шепот: «Порядок, входи». Анита осторожно заглянула.

Сонные чары хорошо сработали – в коридоре, привалившись к стене, спал какой-то мужик в темном костюме и странном черном колпаке с маской, закрывающей лицо. Рыцарь ухватил незнакомца за грудки, приподнял и треснул по затылку рукоятью меча.

– Ты как хочешь, но этой магии я доверяю больше, чем сонным чарам. Давай его обыщем, может, тогда разберемся, кто они такие и что им надо, – предложил Тремлоу и принялся сноровисто потрошить черные одежды, извлекая из их складок и многочисленных потайных карманов в основном какие-то диковинные железяки.

– Шончик... – начала Анита, наблюдая за рыцарем. Тремлоу вдруг замер, стоя вполоборота к ней и нагнувшись над незнакомцем.

– Шончик, я хотела спросить... – продолжала ведьма, но он глухо сказал:

– Прекрати!

– Что?

– Прекрати так меня называть!

– Почему? – удивилась Анита. – Шончик – это так вроде ласково... Ну, это... то есть...

– Никогда не называй меня так больше! – Ведьма с удивлением заметила, как покраснело его лицо.

– Ну ладно, ладно... – Она поджала губы. – Тоже мне сэр крутой рыцарь.

Шон не отвечал, с хмурым видом потроша одежду незнакомца.

– Так что ты хотела спросить?

– Что? Забыла, ты меня сбил... Ладно, потом, если вспомню.

Пока они обменивались репликами, на полу выросла колючая дребезжащая груда – ножи разных форм и размеров, металлические звездочки со зловещими отточенными лезвиями, амулеты с костяными рукоятками, граненые камни на цепочках, стянутые медными кольцами пучки перьев, дротики с пышными кистями, кошель с разноцветными шариками и, наконец, несколько золотых монет. Нож, который выглядел попроще остальных, Шон, тихо сопя, сунул за голенище сапога. Аните понравилось изящное алое оперение одного из дротиков, и она приколола его на груди, словно брошь.

– Ты смотри... – пробормотал вдруг рыцарь. – Еще один потайной карман... Слушай, может, ты сама достанешь?

– Что достану?

– Да вот, лежит там что-то... Ага, точно, плоское что-то такое. Может, волшебное? По твоей части...

– Где?

Тремлоу, к тому времени перевернувший незнакомца на живот, ткнул пальцем куда-то в область копчика.

– Вот здесь.

– Где здесь? – не поняла Анита.

Шон почесал затылок.

– На жо... то есть *за подкладкой на штанах сзади* у этого человека потайной карман, и в нем что-то лежит.

– Ну так при чем тут я? Доставай!

Тремлоу присел на корточки, извлек из голенища нож и взрезал плотную черную ткань.

– Ну и как? – спросила Анита, когда он осторожно просунул в надрез пальцы, при этом отвернув от незнакомца лицо и глядя на стену. Ведьма помимо воли ухмыльнулась, закусив нижнюю губу.

– И нечего смеяться, – буркнул Шон. – Признаюсь – боязно мне.

– Этот человек, наверное, спрятал самое ценное в место, которое бережет пуще зеницы ока, – предположила ведьма.

Шон с напряженным лицом просунул в надрез ладонь до середины и зашевелил пальцами, пытаясь ухватить то, что лежало в потайном кармане.

Анита посоветовала:

– Глубже, глубже давай. Так не ухватишь.

Шон нахмурил брови, грозно сверкнув на нее глазами.

– Попробуй обеими руками, – продолжала насмехаться она. – Ловчее выйдет...

Человек вдруг шевельнулся. Тихо застонав, повернул голову, и ведьма увидела, что мутные глаза его стали осмысленнее. Изогнув шею, незнакомец заглянул себе за спину – глаза округлились, он что-то испуганно выкрикнул... Анита расслышала неразборчивое «Не трогай!». Тремлоу вновь ударил его рукоятью по затылку, и незнакомец затих.

Шон выпрямился, сжимая в руках маленькую, затертую от частого употребления брошюру.

– Только и всего... – разочарованно протянула Анита.

Он принялся листать книжечку, и ведьма сунула голову ему под руку, чтобы разглядеть. Вся брошюра оказалась убористо исписана непонятными каракулями, на обложке – под названием, также выполненным незнакомыми значками, – мелким шрифтом значилось «Памятка гендерного чародея». Ни единой буквы более прочесть не удалось, за исключением подписей к двум картинкам. На одной изображалось что-то круглое, а подпись гласила: «Венец Страсти». На другой что-то продолговатое – «Жезл Страсти». Растерянно хмыкнув, Шон положил книжку в карман.

– Ты что-нибудь понимаешь?

– Не очень-то.

– Я тоже. Идем за ними?

Знакомым путем они спустились к темнице. Внизу дрожь почти не ощущалась.

– А здесь есть засада? – поинтересовалась Анита, разглядев дверь в подземелье. – Что утверждает воинская наука?

Шон пожал плечами – воинская наука, должно быть, молчала.

– Тогда я попробую на всякий случай еще раз, – решила ведьма.

Она старательно зажмурилась, простерла ладони к двери, зашептала... и ничего не произошло.

– Знаешь, – произнесла Анита после паузы, – на этот раз почему-то не получилось.

– Да ну? – удивился Шон. – А я-то думаю, что ж такое, почему ничего не происходит?

Ведьма покосилась на него – рыцарь стоял с совершенно серьезным лицом. Ну точно, лучше бы он был глупее. А то теперь сарказм начался... Анита ничего не имела против сарказма, но предпочитала, чтобы он исходил от нее, а не был на нее направлен.

– Что-то здесь, в подвале, мешает моей магии, – надменно разъяснила она. – Странное дело, впервые с таким сталкиваюсь...

– Впервые, да? Ладно. За дверью лестница, а на лестнице вряд ли будет засада. Хотя, слышишь, вроде там говорит кто-то...

Подкравшись к дверце, они прислушались. Изнутри и вправду доносился голос.

– Ищите, ищите! – требовал он. – Где-то здесь Жезл! Рядом он, неподалеку, чую, чую близость его... О-о, сверкающее великолепие, как же я его чую! Какой душевный подъем, какой наплыв трепетной мощи от одной близости его!

Анита вздрогнула – из стены вдруг вылупились зеленовато светящиеся в полумраке силуэты, увеличились, стали объемными... и вскоре три призрака величественно поплыли под потолком. «Они от нас прячутся, маменька, – подзуживал призрак поменьше. – Должно быть, сызнова за кем-то волокутся...» Троица пересекла коридор и канула в дальней стене. Голос, бормочущий: «Непременно отыщем его. Я еще не закончила беседу с этим человеком...» – стих.

Из подземелья донесся хор воплей:

– Вот он! Хватай!

– Кто? Жезл?

– Не Жезл, дубина! Мосин! Вон, вон! В угловой камере засел, гад!

Голос великого лорда что-то невнятно забормотал в ответ, но сразу же его заглушил другой:

– Изменник! Постыдный негодяй! Мерзкий лиходея! О, сколько зла в тебе, сколько предательского коварства! Мы доверили тебе величайшую святыню Братства, Жезл Страсти, пагубный для колдовства ведьм! Мы помогли тебе захватить власть в королевстве, а ты, отщепенец-ренагат? Вместо того чтобы превратить страну в плацдарм Братства и совместными усилиями уничтожить Лайл-Магель, задумал отколоться от нас?! О, демонический обман! О, лживая неискренность! Ты предательский изменщик, Валдо Мосин, самозванный лорд!

– Я не предатель, я хотел как лучше! – задребезжал голос Мосина, и Анита расслышала в нем нотки испуга. – Копил силы, обзавелся драконом, дабы с ним...

– Дабы с ним не страшиться справедливой кары Братства! – прервал каркающий. – А еще ты созвал воинов на турнир, чтобы набрать войско против нас, – нам все известно! Не могу даже видеть тебя, окаянный выродок! Уведите меня отсюда, братья, уведите туда, где покой... Говори, куда спрятал Жезл?!

Мосин заныл в ответ, что хотел как лучше и что исправно уничтожал ведьм, а чародеи осыпали его упреками... Препирательства прервал громкий треск и глухой, словно из склепа идущий голос:

– Первейший, Первейший! Вызывает «Крылатый Орел»! Ответствуйте!

– О! Это я, Первейший! – прокаркали в ответ.

– Жезл у вас?

– Пока нет, но мы поймали Мосина...

– Какого, на фиг, Мосина?! – с треском и шорохом взвыл глухой голос. – Второй доносит, что Мосин убит, королева вернула власть, а его группу непрерывно контратакуют дворцовые стражники! Ищите Жезл! Конец связи!

– Так ты мертв, что ли? – удивленно спросил Первейший.

– Понял! – выкрикнул вдруг молодой голос. – То-то смотрю – чего это у него ноги пола не касаются? И еще гляжу – почему он прозрачный? Что за дела, думаю, странно как-то, что-то тут не так... Да еще у меня амулет, кроличья лапка, мне его матушка на день рождения подарила, – так она зашевелилась вдруг... А теперь я понял, понял! Он – призрак!

– Ах да, я же призрак! Вы ничего мне не сделаете! – сообразил Мосин. – Ха! Жезл им подавай... Все вон отсюда!

– Треклятое окаянство! – вскипел глава чародеев. – Так ищите же, ищите лучше! Жезл Страсти совсем рядом. Я чувствую его, о, как же я его чувствую!

Зеленый силуэт просочился сквозь дверь рядом с Анитой и Шоном. Ведьма от неожиданности ахнула и зажала рот ладонью. Увидев их, призрак собрался было закричать, но Шон не дал, рявкнув:

– Мосин, где Жезл?

– А, это вы... – с ненавистью прохрипел великий лорд. – Жезл вам? А с чародеями подружиться не желаете? Так я сейчас их позову, мне не трудно... – Он повернулся, намереваясь, видимо, скользнуть назад в дверь. Рыцарь сказал:

– А супруга-то твоя рядом, Мосин. Вон там, за углом, с дочками туда недавно пролетела. Все искали кого-то... Анита, дорогая, не хочешь проявить эту, как она называется... женскую солидарность?

– Ясное дело, хочу! – обрадовалась ведьма. – Великий лорд, вы подождите тут, пожалуйста, всего пару секунд, сейчас я вашу супругу кликну...

– Не надо супругу кликать! – ответил призрак, становясь бледно-серым, а потом синев.

– Вы уверены? А то я могу, мне ж не сложно... Госпожа Цинцилия... Что это вы синим стали, великий лорд? Госпожа Цинцилия-а...

– Замолчи, дур... доброе дитя!..

– Госпожа Цинцилия!

– Не надо, не надо! – взмолился призрак. – Молчи, дитя! Молчи, гадина!..

– Слушайте, лорд, – заговорил Шон. – А ведь, если разобраться, это все из-за них, из-за гендерных чародеев произошло. Если б не они, Жезл Страсти был бы при вас и неприятностей не случилось бы, верно? Ну так отдайте его нам, пока они не нашли...

– Госпожа Цинцилия! – добавила Анита, согласно кивая головой.

– Молчи, молчи! – кудакнул лорд. – Подавитесь им! То есть примите Жезл в дар и ни за что не отдавайте его чародеям. Вот он, здесь...

Призрачный палец указал на кирпич в кладке, немного более светлый, чем соседние, после чего бывший лорд, то и дело оглядываясь, полетел прочь.

– Анита, запри дверь. – Шон бросился к указанному месту.

Пока ведьма сдвигала засов, Тремлоу выдернул кирпич из стены и запустил руку в образовавшуюся дыру. Он ухватился за что-то, пощупал, отдернул руку, сунул внутрь опять. Лицо рыцаря стало очень задумчивым.

– Вот... – Шон наконец извлек из тайника продолговатый предмет, укутанный в темную ткань, и Анита ощутила легкую слабость. Ноги стали ватными, в животе сделалось тепло, ей захотелось лечь и почему-то замурлыкать...

– Что это... – начала она, но Тремлоу перебил:

– Так, теперь пошли быстрее, пока эти не услышали...

Из-за двери донеслась взволнованная речь Первейшего:

– Он здесь! Он движется! О, преисподняя мгла, он удаляется! Душевный подъем покидает меня, я слабею, трепет исходит... Уведите меня отсюда, братья, уведите прочь, в печальную мглу...

– Ага! – воскликнул молодой голос. – И кроличья лапка замерла.

– Да-а, и у меня вот... – расстроено откликнулся третий. – И я тоже... Чувствую, понимаете, как утекает благодать...

Анита с Шоном уже бежали по темному коридору к выходу тем же путем, каким совсем недавно ударили от стражи. Поверженный чародей в черном при их приближении сделал вялую попытку встать, Шон пнул его на бегу – эта магия вновь оказалась действенной в отличие от сонных чар Аниты, ослабленных, вероятно, близостью Жезла.

Беглецы выскочили в зал и остановились.

Здесь кипела битва. Не меньше десятка чародеев в просторных черных одеждах и масках с прорезями металась по зеленому ковру, взлетали в воздух и кувыркались. Их фигуры, сплетаясь и расплетаясь, будто в диковинном танце, образовывали замысловатые построения. Размахивая алебардами, на чародеев наседали стражники. Колдуны отбивались по-своему – швыряли в солдат заклинания, а еще стальные звездочки, какие-то странные ножики, шарики, соединенные цепочками, украшенные пестрыми кистями дротики и прочую ерунду – вроде той, что Шон вытряс из колдуна, оглушенного сонными чарами Аниты.

Над головами беглецов, вращаясь и тонко визжа, пронесся диковинно изогнутый нож. Он на мгновение замер, развернулся и устремился обратно, исчезнув среди мелькающих конечностей, клинков и метательных снарядов.

Сражаясь, колдуны подвывали и причитали, наводя таким образом чары. Появление на поле боя Жезла Страсти пошло на пользу их магии – когда Шон появился в зале, черные заохали, закричали, перешли в атаку и стали теснить солдат. Анита, впрочем, заметила, что практически все находящиеся в зале мужчины вдруг как-то покраснелись и будто бы даже начали пыхать жаром: от почти мгновенно разгорячившихся тел явно пошел теплый воздух, и помещение очень быстро стало напоминать баню. «Как-то странно этот Жезл действует на мужчин...» – подумала ведьма. Сама она, наоборот, все еще ощущала слабость.

Так или иначе от вида стольких рагоряченных особей мужского пола ей стало не по себе, и Анита с силой дернула Шона за руку.

– Ходу! – прокричав это, она побежала вдоль стены.

Достигнув распахнутых ворот, они увидели, что снаружи пока что темно и тихо, лишь сверху струится белесый тусклый свет и доносится едва слышное гудение. Звук, совсем негромкий, обладал в то же время необъяснимой мощью – кажется, именно из-за него дрожали верхние этажи дворца. Беглецы задрали головы. Над королевскими палатами висел большой корабль: прямоугольной формы, подсвеченный по краям круглыми белыми лампами. В их свете отсверкивали ряды металлических бляшек, усеивающих невысокие борта. Посреди

корабля возвышалось нечто вроде башни, хотя снизу трудно было разглядеть подробности. В небе мерцали звезды, но не над кораблем: словно полотнище тьмы распростерлось от венчающей его постройки. Воздух под днищем тяжело содрогался, дрожь шла вниз, передаваясь верхним этажам замка, и шпили на боковых башенках гудели, словно гигантские камертоны.

С главной замковой башни по летучей посудине стреляли лучники. Обращенный к ней борт корабля посверкивал – с палубы чародеи вели ответный огонь магическими зарядами, издали похожими на разноцветные шарики.

– Это и есть «Крылатый Орел»? – удивился Шон. – Какое дурацкое название... Да и где крылья-то?

– Куда теперь? – спросила Анита.

– За мной давай. – Тремлоу побежал вдоль стены. – К конюшням, чтоб верхом отсюда...

Свернув за угол, они обогнули беседку, потом какое-то приземистое сооружение. Топча цветы, промчались по клумбам, миновали обрамленную тополями короткую аллею. В конце ее Шон резко повернул, и Анита, хрустнув гравием, свернула за ним. Вскоре беглецы оказались перед длинной кирпичной стеной с небольшими окошками на высоте, которая превосходила рост Шона.

– Когда правила моя тетка, здесь были конюшни, – пояснил Тремлоу. – Идем дальше.

Уже медленнее рыцарь направился вдоль стены, и Анита, тяжело дыша, поплелась следом. Первая слабость, которая охватила ее в подземельях, прошла, но ведьма все еще чувствовала себя не очень – голова чуть кружилась, руки дрожали. С рыцарем тоже творилось что-то непонятное, примерно как с теми, кто сражался в нижнем зале замка, – он покраснелся и тяжело дышал. Впрочем, в отличие от них Тремлоу, кажется, несколько лучше переносил это.

Из окошка, под которым они как раз проходили, с шипением вырвался длинный язык пламени.

– Конюшня? – спросила Анита. – Ты уверен?..

Переглянувшись, они отступили на пару шагов, заглянули в окно – и увидели глаз, который не моргая глядел на них. Беглецы замолчали. Наступила тишина, только далеко позади раздавались приглушенные звуки сражения...

– Я не очень-то хорошо разбираюсь в лошадях, – сказала Анита, – но, по-моему, это вовсе не лошадь. Скорее это...

3

– Очень большой дракон, – заключил Тремлоу.

Толстая оконная рама из темно-коричневой древесины служила обрамлением – получалась словно картина художника-сюрреалиста, на которой изображен лишь огромный, ярко-зеленый, в коричневых крапинках глаз. Он моргнул. Анита с Шоном отступили на шаг. Потом – еще на шаг и еще...

– Вы принесли его! Наконец-то! – гроыхнуло из конюшни так, что содрогнулись стены.

– Кого? – спросила Анита, на всякий случай продолжая пятиться.

– Жезл! Ну, слава богам...

Из окна повалил густой дым. Кладка затрещала, приличных размеров кусок стены вокруг окна вывалился наружу. В образовавшемся проломе стоял дракон. Насколько можно было разглядеть в неверном свете, он был великолепен: огромный, могучий, покрытый сверкающей изумрудной чешуей. Вот разве что второй его глаз, левый, скрывала черная повязка – такая широкая, что Анита могла бы завернуться в нее с головой.

– Жезл... – Чудовище, качнув отвислым лиловым брюхом, сделало шаг. С каждым словом из пасти, будто сопровождающие речь пирозффекты, вырывались языки пламени и выстреливали струйки дыма. – Ах, наконец-то, а ведь я уже и не верил, что когда-либо увижу его, да что говорить, я почти потерял веру в самого себя!

Анита все еще пятилась, увлекая за собой рыцаря. Сворачивая кирпичи, торчащие из кладки по краям пролома, дракон протиснулся наружу. Показались сложенные крылья в черно-красную клетку, гребень на хребте, потом мощные задние лапы и гибкий хвост. Он ни на секунду не оставался в покое – свертывался в кольца, выгибался, хлопал по бокам и тут же распрямлялся. Когда дракон наконец покинул поврежденное здание, крыша за его спиной просела и с грохотом обрушилась. Не обратив на это внимания, зверь продолжал с неуклюжей грацией, чуть пританцовывая, двигаться за Анитой и Шоном, которые тоже не стояли на месте.

– Я думал... это никогда не... не кончится! Думал... застрял здесь навсегда... – рокотал дракон, дымя и пуская огненные струйки. В голосе его было что-то нервическое, даже истеричное, а еще этот голос будто бы прыгал – зверь то говорил тихо, почти шептал, делая длинные паузы, то вдруг выкрикивал какое-то слово на весь замок, а потом вновь принимался еле слышно бормотать с просительными интонациями. – Валдо обещал, да всякий раз откладывал, мол, все завтра, завтра... Я уж совсем было решил, что он врет и не хочет... Не хочет одолжить мне Жезл... И тут вы!!! – заорал дракон. – А? Вы! С Жезлом! Вы же позволите мне, позволите мне, ведь позволите воспользоваться его сверхъестественными возможностями?

Со стороны дворца донеслись завывания и визг. Дракон сделал еще несколько танцующих шагов, и его пышущая жаром пасть нависла над Шоном с Анитой.

– А?... Жезл... – прошептал он. – Позволите?..

Поток горячего воздуха шевельнул волосы на голове Шона. Рыцарь вертел сверток в руках, не зная, что предпринять. Крики чародеев становились все громче. Анита наконец решилась – выхватив Жезл из рук Тремлоу, отскочила и стала быстро говорить:

– Жезл Страсти, да? Вот этот самый, который у меня сейчас? Конечно, мы позволим! Конечно, почему бы и нет! Ну да, а чего ж, и позволим – жалко, что ли?

Она ткнула рыцаря локтем в бок, и тот кивнул.

– Вправду не жалко. Для хорошего-то человека... то есть дракона.

– Только вот какая закавыка выходит, – подхватила Анита. – Мы с Шоном – хранители Жезла, нам запрещено его надолго из виду выпускать...

Визг чародеев раздавался совсем рядом, но чудовище не обращало на него внимания – оно приплясывало от нетерпения и извивалось всем телом, то подпрыгивая, то приседая на зад-

ние лапы, будто собака, заигрывающая с хозяином. Лиловое брюхо качалось, а иногда, словно огромный куль с водой, расплющивалось о землю.

– Так отправимся вместе... – прошептало оно просительно. – Давайте, а?.. Позвольте мне, позвольте нести, ну позвольте, пожалуйста, разрешите нести вас... И Жезл!!! Жезл Страсти... Это будет весело... Клянусь, думаю, я даже уверен, да, определенно уверен – безумно весело... Захватывающий полет, легкий ветерок, земля в серовой дымке и, о, это высокое небо!!! Садитесь мне на спину, и летим, летим, ну летим же... Я воспользуюсь чарами Жезла... А вы, что же... вы останетесь при нем, при Жезле, хранителями... Летим немедленно!!!

У ведьмы уже начинала побаливать голова от прыгающего голоса. Они с Шоном полезли на могучий загривок, и тут из-за угла показались черные, чернее самой безлунной ночи, силуэты. Колдуны напоминали акробатов, покуривших чего-то запрещенного: на бегу они подпрыгивали, перемахивали через кусты, а иногда даже кувыркались через голову.

Сверкнув глазом, дракон развернул огромные крылья, взмахнул ими и вскачь понесся по лужайке, с каждым шагом все дальше отрываясь от земли. Брюхо его тяжело содрогалось. От крыльев шел ветер; Анита, оглянувшись, увидела, как гендерные чародеи валяются навзничь или приседают, заслоняя лица руками. Ведьма прижалась к груди сидящего позади Шона. На скользкой чешуе было очень неудобно, особенно если юбка порвана так, что от нее осталась лишь пустая формальность... Дракон взмыл к звездам, развернулся, заваливаясь на левое крыло. В лицо седокам ударил холодный ветер, и Анита взвизгнула. Хорошо еще, его бока оказались теплыми, словно печка – да ведь огнедышащий дракон и является чем-то сродни печи...

– Эх... Эх... Эх... – выкрикивал он с каждым взмахом. – Летим... Ведь летим же, а? Эхе-хех! Лети-им!!!

Языки пламени вырывались из пасти, ветер сносил их назад, но, по счастью, пока они только набирали высоту, огонь оказывался ниже седоков, хотя Анита всякий раз опасливо поджимала ноги.

Она оглянулась – земля осталась далеко внизу, крошечные черные фигурки приплясывали, подпрыгивали и делали сальто возле конюшни, рассыпая ворохи разноцветных искр. Со стороны дворца медленно и величаво плыл освещенный матовыми фонарями воздушный корабль. Сверху можно было разглядеть широкую плоскую палубу и окруженную контрфорсами башню посередине, увенчанную чем-то клубящимся, темным. Ключья мрака постоянно отделялись от нее, уплывали в ночь, теряя плотность и постепенно растворяясь...

Вскоре дворец, завывающие чародеи у разрушенной конюшни и воздушный корабль остались позади. Дракон летел под холодными звездами, ровно и мощно взмахивая крыльями. Поначалу он – видимо, от избытка чувств, – то пытался заложить крутой вираж, то выполнить более сложную фигуру высшего пилотажа. Анита всякий раз взвизгивала, а Шон, не тратя лишних слов, колотил пятками по твердой чешуе, напоминая о присутствии гостей на борту. Дракон спохватывался и выравнивал полет.

Внизу черным ковром расстилались земли королевства – мохнатые шапки леса, почти неразличимые в ночи; изредка проносились россыпи крошечных угольков – окошки деревенских домов, а иногда поблескивала речка или озеро. Наездникам стало холодно. От боков дракона исходил жар, но ночь была свежа, в лицо хлестал тугой поток воздуха, и каждый взмах широких крыльев порождал смерчи и вихри – ветер обдувал со всех сторон. Анита тщетно пыталась завернуться поплотнее в остатки одежды. Впрочем, дракон вскоре пошел на снижение. Растопырив крылья, он приземлился на лесной опушке, и седоки спрыгнули в траву.

– Давайте прервем, ненадолго прервем полет? – спросил зверь. – Вы отдохнете и разомнете усталые члены, и я их разомну. Хотите согреться у костра? Соберите хворост, я подожгу!

– Тогда уж лучше в лесу, – заметил Шон. – Спокойней будет.

– Как пожелаете, – немедленно согласился дракон. – Вам виднее, а я ж не спорю, зачем спорить, бессмысленно, я согласен. А не могли бы вы...

Тут он подпрыгнул на месте, брюхо закачалось, и длинный хвост пришел в движение: судорожно задержался, принялся виться кольцами и раскачиваться из стороны в сторону.

– Эх... Эх... – Голос дракона теперь звучал просительно и почти жалобно. – Не могли бы вы, хранители, не могли бы вы одолжить мне Жезл? Страстно хочу получить его, Жезл Страсти, очень хочу, хоть ненадолго, совсем, да, на чуть-чуть, а?! Только испытать его... Ых...

Шон с Анитой непонимающе переглянулись. Рыцарь поскреб затылок, ведьма одернула юбку.

– Ну... наверное, да, – сказал Шон. – Что, прям здесь? К чему такая спешка?

– Эх... Ых... Благородные хранители... дорогие благородные хранители Жезла!!! – От избытка чувств дракон вновь подпрыгнул, и только это уберегло благородных хранителей от языков пламени, вырвавшихся из пасти: струя огня прошла выше. – Ай! Ой! Простите, впредь буду осторожней... Ищите же место для стоянки и собирайте хворост, топливо, дрова, да, хворост для костра! Тут... кажется, в полете я видел неподалеку тут...

Получив Жезл и бормоча что-то про коровник, дракон удалился.

Получасом позже Анита, прижимаясь плечом к Шону, задумчиво шевелила веточкой в костре.

– Зачем этим, в черном, понадобился Жезл? – спросила она. – Что-то я не совсем все понимаю. Значит, Братство чародеев помогало Валдо Мосину, но он их обманул, так? А Жезл, выходит, должен был послужить ему...

– Я вот думаю, – медленно заговорил рыцарь, – а правильно ли мы поступили, отдав Жезл дракону? Вот он улетел...

– Во-первых, у нас ведь не было особого выбора, – возразила Анита. – А во-вторых... Главное, Жезл не попадет к черным. А дракон вернется, я уверена, он такой... Ну, не кажется он вероломным...

– Ага, он скорее кажется придурком, – согласился Шон.

– Ну, типа да. Хотя нет, скорее просто нервный. Я только не совсем поняла, куда он отправился.

– Сказал, хочет испытать Жезл Страсти.

– Ну да. Но как это – испытать? И при чем тут коровник?

Шон подвигал бровями, размышляя.

– Кто его знает... может, проголодался? Кстати, я бы тоже что-нибудь съел. Можешь применить какую-нибудь свою магию и добыть нам съестного?

Анита прислушалась к внутренним ощущениям.

– Кажется, сейчас, когда Жезла нет поблизости, я опять могу колдовать... Погоди...

Она сосредоточилась, закрыла глаза, вытянула сжатые кулаки и зашептала скороговоркой заклинание. Шумно выдохнув, разжала ладони – в каждой было по леденцу на палочке.

– Понимаешь, моя специализация... – пробормотала она после продолжительного молчания. – Я ж обучалась на...

– Да-да. – Шон был сама корректность. – Это я понимаю, воспитание детей, все такое... кнутом и пряником... Я уверен, ты будешь прекрасной ведьмой-воспитательницей, да, спасибо...

Он с мучительным видом стал облизывать леденец. Вид здорового мужика, пытающегося разгрызть конфетку, был настолько забавен, что Анита прыснула. Несколько минут оба молчали, занятые едой. Потом Шон сказал:

– И все-таки этот Жезл – очень мощная штука. У меня какие-то странные ощущения... гм... необычные... возникают рядом с ним...

– Какие ощущения? – заинтересовалась ведьма.

– Да вот, интересные такие... и не описать. Да, и если ты не можешь колдовать в его присутствии... Несомненно, он очень важен чародеям. А мы доверили его...

– Да вернется этот дракон, вернется, – перебила Анита. – Точно говорю, никуда не денется.

– Надо было хоть имя его узнать.

Захлопали огромные крылья, мощный порыв ветра пригнул кусты. Донесся искрящийся радостью голос:

– А вот и я! Я вернулся! Можете не сомневаться, о хранители, Жезл в сохранности! И действует, о, как же он действует!

Речь дракона изменилась – стала увереннее, более веской. Раздвинув тонкие деревца, он выступил на поляну. Шея была самодовольно изогнута. Дракон с горделивым выражением, несколько свысока поглядывал по сторонам.

– Да, мы тут как раз говорили... – начал Шон.

– А я слышал, слышал, у нас же слух острее. И вправду ведь – я ж не представился. Кардамуд. – Он галантно склонился, подогнув левую переднюю лапу.

– Шон.

– Анита. Вот скажи, Кардамуд, а зачем тебе Жезл?

Дракон засопел, взвывая прошлогоднюю хвою. Пламя костра задергалось. Кардамуд переступил с лапы на лапу.

– Ну... Это история уходит своими корнями в далекое прошлое, – наконец пояснил он, опускаясь на землю. – История деликатная, я бы даже сказал щекотливая, и мне не хотелось бы...

– Ну ладно, если щекотливая... – разочарованно протянула ведьма, которой, конечно, немедленно страсть как захотелось узнать подробности.

Однако дракон, не слушая, уже погрузился в собственные мысли и задумчиво пророкотал:

– Все дело в моей подруге Мелоните... У нас, драконов, не слишком распространен моногамный брак, но когда я встретил ее... Мелонита – само совершенство, упоительная идеальность, безупречное... э... безупречная безукоризненность. Познав ее... это совершенство, в смысле, обретя, м-да... короче говоря, *познакомившись ближе*, я обрел счастье!

Должно быть, хвост дракона по-прежнему метался – из тьмы со стороны филейной части доносились скрип и хруст веток.

– Я даже остался с ней в храме. – Кардамуд покачал головой. – Я, бывший дотоле вольным скитальцем и бродягой...

– В храме? – переспросил Анита, швыряя палочку от леденца в костер.

– Ага, да, в нем. Мелонита, она сторожит какое-то святилище, забытый храм. Хрен знает, что там за храм, жрецы давно оставили его, а может, и вымерли... Но Мелонита дала обет... У нас, драконов, такое случается... И я остался с ней. Мы были счастливы, мы жили напряженной... э... соразмеренной и гармоничной жизнью. Чего же еще желать дракону... Мы с Мелонитой жили друг для друга...

Дракон надолго замолчал.

– Началось все недели три назад, – заговорил он вновь. – Я стал замечать, что Мелонита недовольна. Возраст мой еще не тот, чтобы... ну, вы понимаете?

– Э... Кардамуд, если тебе не хочется об этом говорить... – промолвил Шон. – Нам вовсе незачем знать...

– Нет-нет! – Позади дракона раздался оглушительный треск – там упало сломанное у основания дерево. – Простите, это я хвостом... Так вот, Мелонита... Она стала поистине неутомимой... Она так любит меня, моя Мелонита! И я готов на все ради нее! И вот вдруг выясня-

ется, что я... Ну то есть все, кранты, больше ничего не могу... Кошмар!!! Вы понимаете, да, понимаете?

Кардамуд всхлипнул, краем крыла смахнул слезу размером с кулак и продолжил:

– Всем известно, что знаменитый Жезл способен помочь в этой напасти. Я вызнал, что чародеи, владевшие им, доверили реликвию Валдо Мосину... Он потом сказал: подарили. Не исключено, что сами чародеи так не считали... Кстати, а почему Жезл оказался у вас?

– Да вот, с Мосином, понимаешь ли, стряслась беда... – ответила Анита.

– Что? Он умер?

– Скорей наоборот... – возразил Шон. – Обрел бессмертие. Но он доверил Жезл нам, могу поклясться. Слово дворянина!

– Ну, как бы то ни было, я прилетел к Валдо, попросил его одолжить Жезл... Я не знал, что он доверил реликвию столь замечательным хранителям. Так вот, я просил Валдо, умолял... Он не отказывал, представьте себе, но и Жезла не отдавал! Знаете, – дракон доверительно понизил голос, – теперь, после того как чародеи напали на дворец, я думаю, что лорд Мосин хотел использовать меня против них. Они-то доверили ему Жезл Страсти, чтобы он сверг королеву и отдал им страну, так шептались конюхи, я слышал... О, я много чего слышал из окошка конюшни, ведь у нас такой тонкий слух. А Валдо был себе на уме... Простите, вы его доверенные хранители...

– Ничего, ничего, – подбодрил Шон. – Мы только накануне появились в королевстве. С Жезлом – это вышло случайно, рассказывай дальше...

– Перст судьбы, знамение рока! – воскликнул дракон. – Так вот, Валдо обучал собственных чародеев, объявил турнир, чтобы нанять лучших воинов... Вы ведь слышали о турнире? Конюхи говорили, что это будет нечто выдающееся... Должно быть, лорд готовился к атаке гендерных, не хотел Жезл отдавать. Вот и меня намеревался использовать, по всей видимости... Боевой дракон – залог успеха кампании! Но меня это не волнует, мне важно было заполнить Жезл...

Кардамуд выдохнул клуб густого дыма и вновь смахнул слезу.

– Ради нее, моей драгоценной Мелониты... О-о-о... не для меня, для нее, чтоб она была счастлива... А счастливая Мелонита – это что-то с чем-то, доложу я вам. Она расцветает, как нежный цветок, прямо на глазах становится... Эх, да что там говорить!

– И что за святилище стережет твоя подруга? – спросила Анита.

– А и не знаю я, – отмахнулся Кардамуд. – Какое-то такое... Женское какое-то, судя по статуям. Давно... давно забытый храм. Давно забытый! И только верная слову дракониха... Только прекрасная Мелонита – одна среди заброшенных камней... Среди забытых камней, одинокая и печальная... Тоскующая! Но теперь, когда есть Жезл...

Шон с Анитой вновь многозначительно переглянулись. Дракон задумчиво ковырял землю когтем размером с саблю. Вдруг он встрепенулся, наострил уши и привстал. Ноздри Кардамуда раздувались.

– Медведица! – наконец объявил он. – Это медведица, несомненно! Друзья мои, вы позволите? Я покину вас ненадолго!

Бормоча что-то о том, что не мешало бы проверить еще разок, Кардамуд попятился в темноту, хрустя ветвями сломанного дерева.

– Ну что, еще по конфетке? – спросила Анита.

– Нет, пожалуй, не стоит. Вообще-то нам нужно поговорить, – сказал Шон. – Неясность общей ситуации...

Ведьма приложила палец к губам и сделала страшные глаза, потом, оглянувшись, шепотом пояснила:

– Говори тише, у Кардамуда хороший слух. И нюх. Как ты думаешь, где эта медведица? Далеко, должно быть. А если он все услышит из-за деревьев?

– Ладно, – шепотом ответил рыцарь. – Что будем делать дальше? Жезл от чародеев убе-
регли, но нельзя же бесконечно от них прятаться...

– А зачем нам вообще его беречь, этот Жезл? Как-то все беспорядочно происходит – то
Мосин, то чародеи...

– Нет, ты что, Жезл им отдавать нельзя! Я про него слышал, это и вправду могуществен-
ная штука.

– Ага, я вижу, как ты раздумываешься, когда он рядом, – встала ведьма, но Тремлоу
проигнорировал ее слова.

– ... Чародеям из Братства он не должен достаться.

– Но все равно – быстро все как-то очень происходит.

– Быстро, – согласился рыцарь. – Даже времени подумать не было. А теперь время есть.
Кардамуд собирается в заброшенный храм, к своей Мелоните, хочет там... вернуться к супру-
жеской жизни. А нам что делать? Отобрать Жезл? Не знаю, не знаю... Пока что он вежлив и
добр, но...

– Жезл и сейчас с ним, – напомнила Анита.

– То-то и оно... Не уверен, что смогу с ним справиться. Доспехи хотя бы какие-то, оружие
лучше. А так, как сейчас... Нет, не выйдет, пожалуй.

– Дался нам вообще этот Жезл! – сказала Анита. – Пусть забирает его себе.

Она положила ладонь Шону на колено.

– ... Да и голоден я, – продолжал рыцарь, не слушая ее. – Мяса бы сейчас, поджаренного...
Рука ведьмы сама собой скользнула выше, и Анита прижалась к Шону теснее.

– А ведь дракон может не скоро вернуться, – сказала она. – Может, только к утру...

– Поджаренного, но с кровью. Говядины... нет, лучше свинины! Да пожирнее...

– Представляешь, до утра-то еще вон сколько времени...

– И картошки с лучком...

– Луна какая красивая светит...

– Топленое масло, сыр...

Анита заглянула в его задумчивое лицо – в глазах рыцаря плавало два окорока.

– Ах ты! – Она стукнула кулаком по колену и возмущенно отодвинулась.

– Что? – Тремлоу наконец вспомнил о ведьме. – Ты чего?

– Чего? Того! – Задрав нос, она отвернулась.

И увидела смутное движение среди ветвей.

Через мгновение поляна наполнилась чародеями в черном. Завывающие фигуры спрыг-
нули с деревьев, взлетели, будто подброшенные пружинами, из кустов, вынырнули из окружа-
ющего мрака, скача и дергая конечностями.

Шон попытался схватить одного из них, но противник, кувыряясь, упрыгал в ночь, зато
по бокам возникли две новые тени – и тоже завертелись, подвывая тонкими голосами, наводя
чары.

Рыцарь стал размахивать мечом. Колдуны скакали и извивались, выбрасывая то руку, то
ногу в сторону Шона, но неизменно держась на приличном расстоянии. Анита, стараясь дер-
жаться за спиной спутника, тщетно перебирала в памяти заклинания, предназначенные непо-
слушным детям, – ни одно не годилось сейчас. Вспомнив о подобранном в замке дротике с
алой кисточкой, ведьма выдернула его из платья и швырнула в колдунов. Взыв, дротик описал
крутую дугу и улетел вверх, мгновенно скрывшись в звездном небе.

Тут Шону наконец удалось схватить зазевавшегося чародея за шиворот. Подтянув врага
поближе, рыцарь обрушил кулак на обернутую черной косынкой голову. Но за мгновение до
этого чародей провернулся в руках Тремлоу, кувыркнулся, расставив согнутые в коленях ноги,
и удар пришелся не по голове, а с другой стороны. Чародей воткнулся головой в мягкую землю,
извиваясь всем телом.

Возвратился дротик с красным хвостом, пролетел перед Анитой, кувыркаясь, исчез в кустах. К Шону с разных сторон одновременно подскочили трое черных, швырнув в лицо рыцаря нечто, рассыпавшееся радужной пылью, отпрыгнули. Шибануло такой вонью, что Анита, едва вдохнув, рухнула на колени, прижимая ладони к лицу. Шон с выпученными глазами и перекошенным ртом бросился к кустам, чародеи настигли его, навалились визжащим клубком, и вся куча мала рухнула в заросли.

Когда вонь ослабла, ведьма приоткрыла глаза. Двое черных держали ее, стоящую на коленях, за плечи. Из кустов доносилось сопение, возня, глухие звуки ударов и приглушенные взвизги чародеев. В воздухе промелькнул, выписывая замысловатые петли, дротик с красной кисточкой. Анита попыталась вырваться, но черные держали крепко. На миг все стихло... Потом, бешено размахивая конечностями, из зарослей вылетел чародей, пронесся по воздуху и рухнул в костер, подняв тучи искр и серой пыли.

Стало темно. Анита дернулась, но ее сжали еще крепче. Деваться было некуда, и в конце концов она позволила опутать себя серебристо блестящей цепочкой. Кусты зашевелились, показался Шон, также упакованный в кокон из тонких стальных цепей. Его вели три чародея. Выйдя на поляну, они посадили пленника рядом с Анитой и стали приводить в чувство раненых. К удивлению ведьмы, все оказались живы.

Самый рослый из чародеев приблизился и оттянул скрывающую лицо черную маску. В неверном свете разбросанных углей выглядел он чрезвычайно внушительно и зловеще. Некоторое время он разглядывал пленников, затем каркнул:

– Где Жезл?!

Анита вздохнула. Шон тяжело заворочался в цепях, сел и сплюнул кровью.

Чародей поднес ко рту круглый амулетик и закричал:

– Я – Первейший! Первейший! Вызываю «Крылатый Орел»!

Из амулета донеслось шипение и шорох.

– Да, они у нас! Жезла при них нет!.. Нет! Нет!.. И поблизости нет, я бы почувствовал!.. Дьявольское пекло, я бы почувствовал, ощутил бы его! Да, конечно... Спрятали где-то... Что? Да, забирайте нас.

Он убрал переговорное устройство, натянул маску и сквозь прорезь уставился на пленников кровавадно блестящими глазами. Жужжа, над головами промчался дротик с красным оперением, описал сложную фигуру, несколько раз перевернувшись в полете, исчез среди зарослей.

Вскоре где-то далеко раздался низкий гул. Он усилился, листва и хвоя на окружающих поляну деревьях пришла в движение, мелко задрожала вместе с ветками потоньше. Сидеть на трясущейся земле было неприятно, Анита неловко поднялась на ноги вместе с Шоном.

Гул все нарастал. Поляна озарилась льющимся сверху мертвенно-серебристым светом. Задрав голову, ведьма увидела прямоугольное плоское брюхо летучего корабля, озаренное по краям матовыми фонарями.

4

Громадина снизилась и повисла над верхушками сосен. Интересно, подумала Анита, как они собираются опускаться? Но чародейский корабль опускаться не стал, оттуда сбросили веревочные лестницы.

Шон вдруг напрягся, цепи на плечах натянулись...

– Ты что! Ты что! Не надо! – завопил один из чародеев, судя по голосу, более молодой.

– А что? – Шон расслабился, с любопытством глядя на колдуна.

– Эти цепи рвать нельзя! – пояснил тот. – Это очень сильно заколдованные узы.

– Почему нельзя? – вмешалась Анита. Она уже несколько раз попробовала цепочку на прочность, хоть порвать ее и не надеялась, просто любопытно было...

– Да, почему это нельзя? – присоединился Шон.

– Запрещено.

– А... ну, если запрещено...

Вслед за лестницами с воздушного корабля опустили вместительную сетку. Сперва в нее погрузили пострадавших в схватке чародеев, и сетка плавно ушла вверх – куда-то под брюхо «Крылатого Орла». Остальные затоптали уголья и молча ждали. Пролетел, тоненько жужжа, дротик с красной кисточкой. Тремлоу шумно вдохнул, зазвенев «очень сильно заколдованными узами». Молодой чародей встрепенулся и вскинул голову, но рыцарь уже расслабился.

– Помню, помню, нельзя...

Снова опустилась сетка. Чародеи загнали пленников в середину, веревки натянулись, края сетки сошлись, образовав мешок. Она оторвалась от земли, и Аниту прижало к Шону.

Сами чародеи подошли к свисающим лестницам. Сетка пошла вверх – должно быть, ее тащил какой-то механизм, скрытый в недрах башни посередине «Крылатого Орла». Колдуны поползли следом. Анита увидела вылетевший из чащи дротик с красной кистью – некоторое время он кружил у медленно возносящегося сетчатого мешка, потом отстал. Пленники понуро наблюдали за тем, как тросы подтягивают их к разверстой дыре в ребристом днище. Над головой что-то мерно звякало и поскрипывало. Мешок начал раскачиваться – корабль устремился прочь от полянки. Подъем замедлился, но не прекратился, черное днище неотвратно приближалось. Вот оно уже над головой – если бы руки были свободны, можно было бы потрогать округлые края шахты, куда втягивался мешок... Наконец края проплыли мимо. Когда веревка стала короткой, сетчатый мешок почти перестал болтаться. Прижатые друг к другу пленники вертели головами, озираясь. Башня, издали казавшаяся огромной, была вовсе не так уж и велика. Круглое пространство, едва ли десять шагов в поперечнике, сужающееся кверху. По стене к оголовку башни уводили узкие ступени.

Мешок приподнялся выше уровня пола, полукруглые створки под ногами съехались, образовав дно колодца. Где-то под потолком в темноте вновь защелкал, залязгал механизм; Шон с Анитой начали потихоньку опускаться. Тросы провисли, затем мягкими кольцами легли на пол, и пленники смогли отступить друг от друга. Распахнулась дверь, в проеме показалась освещенная матовыми фонарями палуба.

– Выходите! – каркнул Первейший.

Пленники покинули темное нутро башни, для чего Шону пришлось нагнуться. Едва они ступили на палубу, откуда-то из-под ног донесся приглушенный голос:

– Дарагой, паслушай, э?

Анита от неожиданности подпрыгнула, а рыцарь недоуменно свел брови.

– Дарагой, – снова прозвучало из-под палубного настила, – послушай, я зынаю, ты – хароший чилавэк. Асвабади, а? Моя совсем исытомилась, быратья исытомились, асвабади, да?! Всэвышным малю!

– Ты кто? – Анита, звякнув цепями, присела на корточки. Точно, голос доносился прямо из-под досок.

– Ковер моя! Ковер летуча, по-вашему... Зыдесь истомился савсэм...

– Молчать! – заорал чародей, отпихивая Аниту в сторону.

– Я зынаю, ты хорошая чилавэк! – донесся другой голос, несколько иного тембра, но с прежним акцентом. – У тебя шаги легкие, а? Асвабади нас – послэ сачтемся с тобой, ежели давэдется!

– Действительно, гражданин! – раздалось чуть дальше. – Если вы освободите военнопленных...

Тут на крик примчались чародеи и вместе с Первейшим принялись притопывать и пританцовывать на мятежных коврах-самолетах. Те завывали: «Ай! Ой! Шайтаны!» Аниту и Шона колдуны поволокли к кормовой части «Крылатого Орла». Из-под ног снова раздалось:

– Асвабады! Нам здэс плоха! Савсэм нэ кормят, работат заставляють, ваеннапыленниих нэльзя работат заставляють! Канвэция нэ вэлит!

Новый конвоир оказался добрей Первейшего, топтать не стал, только бросил на ходу:

– Заткнись, ты не военнопленный, а трофей! А вы ступайте, ступайте!

– Послушай, – обратился к нему Шон, – а почему ваш корабль так называется, «Крылатый Орел»?

– А что?

– Да ведь крыльев же нет!

Чародей даже приостановился, пораженный вопросом, затем ответил:

– А вот как раз поэтому и называется «крылатый», что крыльев нет. Если б крылья были, зачем так называть? Тогда бы каждый увидел, что крылатый. А раз крыльев нет...

– Так наоборот ведь, – вкрадчиво перебил Тремлоу. – Если бы они были, можно было бы так и назвать, а если нет – так зачем же? Все сразу начинают машинально искать их, выглядывать... а их и нету, понимаешь меня?

Чародей сделал несколько шагов, шевеля губами, а потом закричал:

– Чтоб я лопнул! Ах ты коварный тип! Хватит языками молоть, идите уж! Нет – есть, какая раз... Демоны преисподней! – Он схватился за голову и пошел прочь, что-то бормоча.

В это время шум позади стих – это заточенные под палубой ковры наконец умолкли, и чародеи прекратили скакать.

– Куда вы нас? – спросил Шон, ухмыляясь. – Тюрьма у вас тут на корабле или что?

– А вот что! – Один из чародеев неожиданно толкнул рыцаря с Анитой сзади, и пленники провалились в дыру, которая зияла в настиле.

Они попали в полотняный мешок, подвешенный к днищу корабля. Ткань оказалась толстая, да еще и в несколько слоев. Видно сквозь нее ничего не было. Над головой лязгнула решетчатая крышка люка. Повозившись, Шон с Анитой кое-как устроились на дне мешка.

– Что будем делать? – спросила ведьма.

– А ты можешь как-нибудь освободить нас от цепей?

Анита задумалась, припоминая подходящее заклинание. Иногда дети умудряются так запутать пряжу... да, есть одно, можно попробовать. Некоторое время ведьма честно пыталась, но чары ее на узы не действовали. Те и вправду были сильно заколдованными.

– Ладно, – сказал Тремлоу. – Тогда давай попробуем выспаться, что ли? Рано или поздно куда-нибудь прилетим. Главное, Жезл им не достался.

Разбудил их скрип петель. Решетчатый люк над головой открылся, и в проеме на фоне по-утреннему чистого голубого неба показалось несколько голов. На этот раз без масок, зато с тесаками – не колдовскими, судя по виду, а вполне обычными. Голос скомандовал:

– Вылезайте. Да глядите, без глупостей, не то мигом за борт столкнем!

Подхватив скованных пленников, колдуны помогли им выбраться на палубу и сняли волшебные цепи – с «Крылатого Орла» деваться все равно было некуда.

Анита с любопытством огляделась: палуба широкая, загромождена ящиками и коробами. Над башней курился дымок. Отходящие от нее контрфорсы оказались чем-то вроде кают. Команда, как прикинула Анита, состояла человек из двадцати.

– Идемте, – велел конвоир. – Будем вам допрос учинять.

– А пожрать? – спросил Шон.

Вместо ответа конвоир будничным голосом поинтересовался:

– Так куда вы Жезл подевали?

Анита с Тремлоу одновременно пожали плечами. Ведьма, нахмурившись, уставилась на пол у своих ног, а рыцарь задумчиво возвел глаза к небу. Чародей кивнул.

– Не хотите так – значит скажете по-плохому. Сейчас мы только в одно местечко наведаемся, а потом повернем к замку. Там и скажете... по-плохому...

На пленников надели кандалы с короткими цепочками. Шон тут же попробовал цепь на прочность и лишь вздохнул – должно быть, это были «очень сильно заколдованные» кандалы. Затем пленников проводили на корму для допроса. Из-под палубы доносился ропот и споры ковров-самолетов. Над башней вился густой дым.

– А чего это у вас там наверху дымится? – спросила Анита у шагнувшего рядом чародея.

– Секретное левитационное волшебство, – проворчал тот.

– Нэправыда! – тут же раздалось из-под палубы. – Это ми лэтаим, а дым у них для абмана! Для абмана!

Колдун несколько раз притопнул на мятежном ковре, и тот умолк.

На корме в кресле расположился толстый пожилой чародей. По правую его руку стоял, то и дело потирая разбитый нос, Первейший. Теперь, при дневном свете и без маски, он вовсе не выглядел зловещим – худой, даже изможденный, с впалыми щеками. Толстый его начальник, напротив, казался жизнелюбивым добряком. Румяный, упитанный, руки с коротенькими пальчиками, усаженными перстнями, сложены на брюхе.

– Ах, вот и наши гости... – ласково молвил толстяк. – Где Жезл, не скажете ли нам? Из королевского дворца вы сбежали, имея Жезл при себе. Да-да, и не отпирайтесь, пожалуйста!

– Так мы и не отпираемся, – удивилась Анита.

– Молчать! – заорал Первейший, грозя кулаком.

– И хорошо, и славно, что не отпираетесь, – продолжал толстяк. – Из дворца его похитили вы, это известно доподлинно, а в лесу, когда вас захватили, реликвии при вас уже не было. Что же, наверное, спрятали по дороге... Где именно? Кому-то передали?... Ну, говорите, говорите, не осложняйте себе жизнь. И мне тоже не осложняйте. Если эту беседу придется возобновить в нашем замке, вы, боюсь, вынуждены будете пожалеть. Лучше скажите мне здесь и сейчас, да-да, правду говорю.

Анита покачала головой, а Шон пояснил, указывая на Первейшего:

– Вот он велел молчать.

– Пепел и смерть! – заорал тот, и капитан слегка поморщился. – Это была фигура речи, будь я проклят! Отвечайте!

– Да не знаем мы, где сейчас ваш Жезл.

– Нет, это выше моих сил! – Первейший, схватившись за голову, шагнул к конвоирам, которые стояли позади пленников: – Братья, уведите меня отсюда, уведите туда, где тихо!

Тут на палубу свалился полупрозрачный пузырь и с грохотом взорвался, рассыпав маслянистые радужные капли и оставив на досках лужу вязкой желтоватой субстанции. Толстяк подскочил в кресле, тела его заколыхались. Первейший взвизгнул, конвоиры крикнули от неожиданности.

Сверху донеслось нарастающее гудение, и за первым снарядом последовали новые. Шары падали на палубу, взрывались и расплескивались. Один угодил в Первейшего – мокрый с ног до головы, опутанный липкими желтоватыми нитями, тот принялся кататься по палубе, визжа: «Снимите это с меня, братья! Уведите меня отсюда!»

– Тревога! – заорал кто-то над самым ухом Аниты. Чародеи уже беспорядочно бегали вокруг, двое тащили прочь толстого капитана, прикрывшего голову пухлыми ладошками.

– Ведьмы!

Анита с испугу присела, когда низко над палубой с гудением мелькнуло несколько силуэтов.

– И вправду ведьмы... – пробормотал присевший рядом Шон.

Десяток фигур верхом на помелах, визжа и улюлюкая, промчались в обратном направлении. На лету они выхватывали из заплочных сумок полупрозрачные шарики и швыряли вниз. Чародеи скакали по настилу, пытаясь увернуться.

– Наши! – завопила Анита. – То есть мои!

Одновременно развернувшись, ведьмы с воплями опять понеслись в атаку на «Крылатого Орла». Метлы гудели. Чародеи, поспешно натягивая колпаки и маски, выстраивались вдоль борта. Толстый капитан уже скрылся в башне – обороной, судя по всему, руководил Первейший. Проклиная всех вокруг и моля увести его отсюда, он бегал по палубе, отдавая беспорядочные и противоречащие одна другой команды. Несколько чародеев подхватили пленников под руки, отволокли на корму, спихнули в яму и торопливо захлопнули люк. По дороге Анита успел разглядеть, как ведьмы описывают крутой вираж, вновь атакуя воздушный корабль, а чародеи швыряют в них свои странные приспособления.

Из мешка бой стал почти не виден. Даже привстав на цыпочки, высокий рыцарь разглядел лишь вершину башни, где среди клубов черного дыма возник капитан. Толстяк что-то бросал в рот, быстро пережевывал, после чего подносил к губам короткую трубочку и дул в нее, паля по ведьмам.

– Это наши, – снова пояснила Анита, присаживаясь у ног Тремлоу. – Летучий отряд...

– Летучий отряд? – переспросил Шон.

– Ага. Отборное подразделение фемоведьм под командованием сестрицы Лавандии. Я вообще-то к ним хотела попасть, но... не взяли, короче...

– А чего? – заинтересовался Тремлоу.

– Сказали – слишком красивенькая.

– Это да, – согласился Шон. – Тебе среди таких делать нечего.

– Почему это? – возмутилась ведьма.

Над люком мелькнули силуэты, гудение стало пронзительным, потом почти стихло и вновь начало нарастать.

– Да вот, понимаешь, я их только что более или менее разглядел... – начал рыцарь и замолчал.

– И что?

– Ну... страшно стало! – признался он. – Лучше б не разглядывал, честное слово. Даже глаза щипать начало, заслезилась... Ладно, сейчас другое важно – для чего они здесь? Зачем напали?

Анита предположила:

– Может, нас хотят освободить?

Сражение разыгралось нешуточное. Ведьмы обстреливали чародеев, те отбивались как могли, и вскоре вверху образовался рой ножей, метательных звездочек, топориков и бумерангов, беспорядочно мечущихся над палубой. Они постепенно отставали от «Крылатого Орла», но все же упорно следовали за ним, словно хвост кометы.

– Чем это феминистки в них швыряют? – поинтересовался Шон.

– Страшное оружие, – отозвалась снизу Анита. – Наш ответ на магию колдунов Мосина, так объясняла сестрица Лавандия. Про гендерных этих чародеев, правда, при мне разговора не было...

– Так что за оружие-то?

– Говорю же, страшное! Яичные желтки от черных кур, кошачья слюна... – Анита принялась перечислять, хмурясь и морща лоб. Вспоминалось с трудом – все-таки оружие не ее профиль. – Жабьи лапки сушеные, толченые... грибы еще какие-то... не помню, в общем, какие грибы... ну и много-много магии. Жуткое дело!

А схватка продолжалась. Ведьмы проносились все ниже над палубой, но в рукопашный бой вступить не спешили. Наконец запас метательных снарядов у них иссяк.

Громкий голос прокричал:

– Жезла Страсти здесь нет, уходим!

Гудение метел, раньше накатывавшее волнами, начало стихать и вскоре смолкло в отдалении. Присев, Шон укоризненно взглянул на ведьму. Та пожала плечами – она тоже не ожидала от соратниц такой безучастности к судьбе пленников. Но делать нечего, оставалось только сидеть и ждать, что будет дальше...

В конце концов Анита выколдовала еще по леденцу, потом – еще. Шон кривился, тихо ругался себе под нос, но ел – кормить пленных чародеи не собирались. Они в это время были заняты очисткой палубы от желтого липкого студня, образовавшегося из ведьмовских снарядов. Один раз «Крылатый Орел», опустившись ниже, с помощью сетки принял на борт двух чародеев и какой-то груз, о котором вновь прибывшие клятвенно заверяли, что, мол, все проверили тщательно и «они не то, что мы ищем». О чем идет речь, пленники так и не поняли. Затем корабль снова набрал высоту и помчался к цели, больше курса не меняя.

5

Наконец их выпустили из воздушной тюрьмы. Вокруг царила суета, и на пленников особого внимания никто не обращал – чародеи наводили порядок. После стычки с ведьмами палуба «Крылатого Орла» была перепачкана желтоватой слизью и засыпана мусором. Теперь почти вся команда оттирала доски, не обращая внимания на протестующие возгласы ковров-самолетов, скрытых под ними. Ковры чихали, хлюпали, ругались и подвывали на разные лады – вода, перемешанная с желтой дрянью, затекала в щели настила.

С полдесятка чародеев наколдовали маленькие верткие тучки. Те источали потоки дождя, а команда бегала за ними с ведрами, старательно ловя падающие капли. Наполненные ведра отдавали коллегам и тут же принимались вызывать новые тучки взамен иссякших или снесенных за борт ветром. Толстый капитан, основательно измазанный в саже, степенно прохаживался среди суетящихся тружеников и мягким бархатным голосом раздавал указания:

– Вон там подотри, будь добр! И здесь! Здесь, пожалуйста, не забудь!.. Эй, куда ты с ведром ломишься, дружочек!.. Смотреть надо, кретин!

Торопились колдуны не зря – очень скоро вдалеке показались высокие темные башни. К ним, медленно снижаясь, и направился «Крылатый Орел». Здания поднимались над линией горизонта, обрастали шпилями, зубцами и балконами. Вскоре показались невысокие стены, окружающие двор замка, – туда и поплыл летучий корабль. Скорость его уменьшалась, он снижался. В очертаниях крепости начисто отсутствовали сглаженные или округлые линии – все было строго, линейно, угловато. Башни, увенчанные остроконечными четырехскатными крышами, треугольные вымпелы на шпилях, четко очерченные прямоугольные бойницы... Двор замка казался сверху идеальным квадратом, ров на всем своем протяжении – неизменно одинаковой ширины. Вся картина в целом неприятно напоминала ведьме кабинет Валдо Мосина, для полного сходства недоставало разве что странных гобеленов.

– Помнишь? – спросила Анита. – Как на столе у Мосина!

– Ага, – кивнул Шон. – Я так думаю, они здесь все тоже чокнутые, как великий лорд.

– А вы молчите, молчите, – сказал как раз проходивший мимо пленников капитан. – Валдо – предатель, вот так. Он нарушил слово, данное Братству гендерных чародеев, и его смерть – заслуженная кара за измену. Но скоро мы вернем Жезл, и тогда от Лайл-Магеля ничего не останется!

Вскоре стало ясно, зачем пленников подняли из темницы: оказавшись над двориком, «Крылатый Орел» пошел на посадку, команда же заранее озаботилась тем, чтобы под брюхом судна ничего не свисало.

На стенах маячили черные наряды караульных чародеев, во дворе корабль поджидала группа людей, тоже одетых в черное. Среди них выделялся высокий белобородый старец – должно быть, верховный гендерный маг.

«Крылатый Орел» медленно и осторожно опустился, заняв большую часть замкового двора. Процессия во главе с белобородым приблизилась к кораблю, с борта спустили сходни. Старик шагал важно, свита почтительно держалась за его спиной. Роста он был высокого, осанку имел гордую и вообще представлял собой типичнейшего чародея, какими их изображают на миниатюрах в книгах. Орлиный нос, густые седые брови и внимательный взгляд темных глаз из-под полуопущенных век...

Капитан воздушного судна, спустившись на мостовую двора, медленно пошел к встречающим. С каждым шагом толстяк кланялся, складывая перед собой руки. Следом долговязый Первейший тащил позвякивающий мешок – тот самый, ради которого «Крылатый Орел» сделал крюк после битвы с ведьмами. Шон и Анита, окруженные стражей, наблюдали за церемонией с палубы. Не прекращая кланяться, капитан приблизился к бородачу, привстал на

цыпочки и что-то зашептал, поминутно оглядываясь и тыча пухлым пальцем в сторону пленников. Старик слушал, изредка кивая.

Затем Первейший передал капитану мешок. Толстяк развязал стягивающую горловину веревку и показал содержимое старику. Едва заглянув в мешок, бородач махнул рукой и громко произнес:

– Брат Корнелий, зачем ты таскаешь сюда рухлядь, если уверен, что среди этих железяк нет настоящего Венца?

– Настоящий Венец Страсти, мой лорд, – принялся объяснять капитан, кланяясь и потирая ладони, – я бы поостерегся доставить в замок, ибо он грозит нашим чарам. В присутствии Венца гендерная магия теряет силу, а сие чревато великими опасностями. Никчемные же короны эти я привожу с собой единственно, чтобы не оставлять их на месте... Кто знает, куда и когда они попадут? А мне снова донесут, что там-то и там-то видели древнюю корону, – и мне сызнава лететь за ней, убеждаться, что корона не является подлинным Венцом Страсти... Пусть уж лучше хранятся у нас в замке. К тому же они служат неплохим украшением тронной залы, не так ли, мой лорд?

Толстяк захихикал, старый лорд тоже хохотнул – следом и чародеи, составляющие свиту, вежливо посмеялись, не желая отставать от начальства.

– Ты понял? – шепнула Анита. – Они ищут не только Жезл Страсти, но и Венец Страсти! Собирают все древние короны, подозревая, что какая-то из них окажется Венцом.

– Ясно, – кивнул Шон. – Только зачем им Венец? С Жезлом-то понятно, он их колдовство усиливает, а Венец?

– Венец, наоборот, ослабляет, – предположила Анита. – И ищут они его вовсе не затем, чтобы использовать, а чтобы...

– А ну не разговаривать! – прикрикнул один из конвоиров и толкнул ведьму между лопаток. Не оборачиваясь, Шон пихнул его локтем, колдун отлетел на несколько шагов и опрокинулся навзничь. Остальные тут же взволнованно загудели и принялись скакать вокруг пленников, угрожающе размахивая тесаками.

– Отставить, чтоб вас разорвало на мелкие клочочки! – каркнул знакомый голос. – Ад и пепел! С этим громилой я еще поговорю лично, клянусь кишками сатаны! Лично! Но не сейчас, нет, не сейчас... Пока что ведите их в темницу.

– Опять в темницу? – спросил Шон, оборачиваясь. – Воля ваша, но это уже становится однообразным...

– Молчать! – прикрикнул пострадавший от его локтя конвоир, избегая, впрочем, приближаться к Тремлоу и грозя издали оружием. – Предатель, связавшийся с ведьмой, вот ты кто!

– А что здесь такого? – возмутилась Анита. – И что с того, что я ведьма?

– Не обращай внимания, – снисходительно отозвался Тремлоу, похлопывая ее по плечу. – Он просто завидует.

Пленников заставили сойти с палубы «Крылатого Орла» и погнали через двор ко входу в замок. Тяжелые железные двери беззвучно распахнулись перед ними. Петли здесь смазывали исправно. За входом оказался небольшой зал, от которого в стороны уходили коридоры, а вверх тянулась широкая лестница. По бокам от нее, как и у входа в зал, застыли наряженные в пышные черные одежды колдуны – в масках, увешанные оружием. Пленников сразу повели налево, через длинную галерею, скупо освещенную маленькими аккуратными фонариками. Разноцветные бумажные абажуры отбрасывали лучи всевозможных оттенков, и Анита невольно залюбовалась причудливо озаренными стенами. Стены эти были гладко оштукатурены и очень аккуратно, без потеков и вздутий, выкрашены серой краской.

В конце коридора обнаружилась ведущая вниз длинная лестница, проход к ней перегородивала решетчатая дверь, за которой дремал на стуле страж в черном. Когда появилась про-

цессия, он вскочил. Первейший обменялся с охранником несколькими словами, тот достал откуда-то гремющую связку ключей и отворил решетку.

Шон с Анитой шагали за стражем, следом топали чародеи. Ведьма зашептала на ходу:

– Я всю дорогу пробую что-нибудь предпринять, но они словно заговоренные... Не действует здесь моя магия. Должно быть, в этом замке все очень хорошо зачаровано.

– Подождем, – тихо ответил Шон. – Может, позже что-то сумеем придумать...

Но придумать так ничего и не вышло. Пленников доставили в подвал и водворили в очень чистые и очень тесные камеры по разные стороны коридора – как накануне, в подвале королевского дворца, с той только разницей, что в этой темнице все выглядело куда солиднее и аккуратнее. Массивные решетки, здоровенные замки на дверях, чистый выметенный пол, никаких следов сырости, ровный слой штукатурки на стенах и потолке...

Конвоиры заперли двери и удалились. Как оказалось, заключенным в замке Братства полагается не в пример больше удобств – вместо соломы на полу дощатые нары, застеленные грубым одеялом. Особенно Аниту умилило то, что одеяло было тщательно разглажено, даже со стрелочкой вдоль края. Поверх него лежала маленькая подушечка, аккуратно взбитая и расположенная уголком кверху. Ведьма присела на край лежанки и вздохнула... Они с Тремлоу наконец-то остались наедине, и даже одеяла с подушками имеются, аж две пары... Да только вот незадача: их с рыцарем разделяют две решетки с двумя крепкими замками.

Шон, оглядевшись, тоже направился к кровати. Откинув одеяло, попробовал ухватиться за край доски в настиле, собираясь ее выломать. Тут же откуда-то из-под потолка раздался громкий голос:

– Нельзя! Нельзя ломать! За порчу казенного имущества живо в яму со змеями загремишь!

– Спасибо за предупреждение, – проворчал Тремлоу. – Так и знал, что следят за нами... Ладно, погодите еще, сейчас выплыву, а потом разнесу здесь все к...

– Нельзя! Нельзя ругаться! За противозензурные выражения живо языка лишишься!

– Ладно, ладно! – Шон плюнул.

– Нельзя! Нельзя плевать! Загрязнение казенного имущества! – Голос смолк и чуть позже заговорил вновь, но теперь совсем другим тоном: – Вам-то хорошо, вам башку долой, и все, а мне убирай потом, полы драй, постель в порядок приводи...

– Ну и черт с тобой... – Рыцарь опустил одеяло на место, улегся, закинув скованные руки за голову, и устало прикрыл глаза.

– Эй! – донесся из другого конца коридора голос Аниты. – Ты как там?

– Да вот, голос тут какой-то занудный... – отозвался Тремлоу, и тут же сверху донеслось:

– Нельзя! Нельзя переговариваться! За нарушение тишины в темницах – смертная казнь!

Выспаться им не дали. В темном коридоре раздался голос, звяканье ключей, топот мягких подошв. Явился конвой, пленников вывели из темницы. Прделав обратный путь – по лестницам, по коридору с забавными фонариками, – они попали в зал у входа. Стража, окружив их, внимательно следила за каждым жестом. Чародеи были в полном боевом снаряжении, в матерчатых масках и колпаках.

– Шон, скажи, – негромко произнесла Анита, – а это во всех дворцах такая лестница, прямо от дверей? Ты, наверное, немало дворцов повидал...

– Нет, не во всех, конечно. Да это и не дворец, – отозвался Тремлоу. – Так, сарай... У тетушки в таком сарае конюшня была, помнишь? Только здесь чуток прибрались да лошадей выгнали.

– Эй, ты! – окликнул рыцаря один из конвойных. – Ты чего плетешь? Здесь замок Братства, величественный и неприступный!

– Упорядоченный и благоустроенный! – добавил другой.

– Да уж... – Тремлоу покачал головой, будто не слыша. – Точно говорю, не всех.

– Что – не всех? – поддержала разговор Анита.

– Не всех, говорю, лошадей из этого сарая выгнали, – громко пояснил Шон. – Несколько осталось.

Чародеи вокруг задвигались, переступая с ноги на ногу.

– Несколько вороных меринов, – громко объявил Шон. – Глухих к тому же.

– Ну, ты эта... – не слишком решительно заговорил самый рослый из колдунов. – Ты не очень-то...

– Что? – с готовностью отозвался рыцарь. – Хочешь доказать, что ты настоящий мужчина? Ну так докажи, докажи...

– И докажу!

– И докажи!

– А вот и докажу, если надо будет!

– Так уже надо – доказывай!

Чародей, ощущая на себе взгляды собратьев, выпятил грудь и подбородок – и то, и другое не внушало особого почтения своими размерами, – приподнялся на цыпочках, пытаясь уравниваться ростом с Тремлоу... Но проявить себя ему на сей раз было не суждено – сверху позвали:

– Совет уже собирается, ведите пленников!

Конвойные обнажили тесаки и погнали Шона с Анитой по лестнице. Всюду, куда ни глянь, в коридорах царила чистота, мебель стояла на диво симметрично.

Шон не унимался.

– Знаешь, Анита, что мне напоминает эта конюшня? – говорил он так, что голос разносился по всему коридору. – Домик старой девы. Ну, понимаешь, этакой древней клячи, которой уже ничего не светит, и заняться ей нечем, и только и остается, что цветы поливать да пыль отовсюду смахивать. Вот у таких теток тоже в доме всегда все вылизано, аж смотреть тошно...

– Да, я видела: салфеточки везде, – подхватила Анита. – Пуфики всякие, а особенно кружева раздражают. Так и хочется поджечь там все, правда, Шончик, то есть Шон?.. Вот еще я хотела спросить: а откуда ты знаешь про старых дев?

– Ну, насмотрелся... В королевских дворцах – в настоящих королевских дворцах, а не конюшнях, ясное дело, – кого только не встретишь. Знаешь, все эти тетушкины приживалки... Они, кстати, тоже предпочитали черненькие накидочки, юбочки широкие. И точно так же молодых девиц ненавидели. Ну, сама понимаешь почему...

Чародеи вокруг что-то негромко ворчали и нервно позвякивали оружием, но пока старались сдерживаться.

– Так что же, Шон, – продолжала разговор ведьма, – у них комнаты были так же прибраны, как этот замок?

– Ты, Анита, конечно же, имеешь в виду – как конюшня, в которую нас привезли? Ну да, ну да, примерно вот так же... Так же все уныло, и дух такой же спертый.

Конвойные уже скрипели зубами на весь коридор, но еще держались.

– Шон, а ты не боишься, что наши хозяева могут обидеться, осерчать?

– Так а на что же им обижаться? – искренне удивился Тремлоу. – На правду? Кто ж на правду обижается, кроме дураков? А чтоб осерчать, достоинство надо иметь, честь, мужество... Ну, сама посуди, какое мужество у этих?.. Ты знаешь, дорогая... – Тремлоу склонился к ведьме и доверительным, на весь коридор, голосом заключил: – Ты знаешь, я вот только что понял, они мне поразительным образом напоминают одновременно и старых тетушкиных приживалок – и дряхлых меринов из ее конюшни!

Когда пленников подвели к массивным дверям, торчащие из-под масок чародейские подбородки и лбы были пунцовыми.

– Ладно, заходите, – дрожащим от негодования голосом прошипел рослый колдун. – А после я с тобой поговорю.

– Так а зачем после? – обрадовался Тремлоу. – Давай, может, прям сейчас?

– Входи, тебе сказано!

Пленники шагнули в раскрытые двери. Им открылся огромный зал, залитый текущим из высоких стрельчатых окон ярко-желтым светом – таким ярким и таким желтым, что в первое мгновение пришлось даже прикрыть глаза.

Напротив двери стояло шесть кресел, в каждом сидел чародей. В центральных – должно быть, самых почетных – расположились капитан «Крылатого Орла» и высокий бородатый маг, встречавший их во дворе. Стены справа и слева были утыканы гвоздиками, на них висели короны, венцы и диадемы всевозможных фасонов и размеров.

Когда глаза привыкли к яркому дневному свету, пленники стали озиаться. Столько драгоценных венцов никому из них видеть пока не приходилось. Анита решила, что вряд ли на свете существует еще хоть одно подобное место, где собрано такое количество драгоценных и не очень драгоценных побрякушек: здесь были древние широкие короны – плоские согнутые кольцом полосы металла с криво приклепанными зубцами разных форм, – погребальные лавровые веночки с изящными и тонкими, словно фольга, золотыми листиками, богато украшенные фальшивыми самоцветами диадемы из тусклого золота низкой пробы... да чего здесь только не было! Все, что только придумано людьми для украшения августейших голов при жизни и посмертно, было развешано аккуратными рядами на гвоздиках в главном зале твердыни Гендерного Братства. И все это носило отпечаток седой старины...

Охранники в черном расположились полукругом за спинами пленных.

– Ух ты! – воскликнула Анита, приметив одну из корон. – А можно мне примерить вон ту, слева? Я...

– Женщина, веди себя пристойно! – сурово потребовал длиннородый маг. – Ты не в Лайл-Магеле, вертепе бесчинства и разврата, но в твердыне Братства! Порядок и благопристойность – вот закон для всех, кто ступил на нашу территорию!

– А зачем вам столько корон? – спросил Шон. – Здесь и голов в таком количестве не наберется. На жопы, что ли, надевать будете...

– Порядок и благопристойность! – завопил длиннородый.

– Вопросы здесь задаем мы! – прикрикнул толстый капитан. – Отвечай, куда вы дели Жезл! А не скажешь – мы прибегнем к крайним мерам, так и знай.

Стражи позади зашевелились и забрякали железяками. Мысль о крайних мерах пришла им по вкусу.

Шон напряг мышцы, и кожаная безрукавка затрещала на плечах – но очень сильно заколдованные узы держались. Старики в креслах зашевелились, что-то тихо бубня друг другу и многозначительно двигая бровями – гримасы колдунов не предвещали пленникам ничего хорошего.

– А и в самом деле, зачем столько? – спросила Анита.

Шон, оставив попытки порвать цепи, произнес:

– А я, кажется, догадываюсь... Они ищут Венец Страсти, вот в чем дело. И какой ни возьмут – все не тот оказывается. Вот это все на стенах и есть результат их стараний, правильно, старички? Слышь, Анита, старушки, про которых я тебе в коридоре толковал, тетушки то бишь моей приживалки, – они точь-в-точь такие же были. Тоже всякое барахло в свои комнаты тасили, как сороки. И куда только не прятали...

– Где Жезл? – повторил бородатый старик.

– И тащат, и тащат... и не то чтоб ценность какую, а так, из жадности... И под кроватью у каждой, и в шкафу...

Колдуны в креслах заерзали.

– Чтоб меня разорвало! – каркнул Первейший, сидевший с правого боку, в самом крайнем кресле. – Куда дели Жезл, слуги нечистого?!

– Ну и правильно, с другой-то стороны, – продолжал рыцарь. – Если уж украли корону – не обратно же отдавать... На гвоздь ее повесить, а чего ж? Только таблички надо к каждой, где украдена, кем, в каком году. Очень интересно может получиться. Потом можно народ водить как в музей и деньги за посещения брать, опять же, доход – он лишним не бывает...

Тут бородатый старик, не выдержав, поднял посох и направил набалдашник на Тремлоу.

– Ну, хватит! – рявкнул он. – Сейчас ты...

Он взмахнул посохом... и ничего не произошло. Зато Шон, дернув цепь кандалов, неожиданно легко ее разорвал. Попадавшие звенья звонко зацокали по вычищенным до блеска плитам пола. И тут же льющийся из окна яично-желтый свет померк – в зале стало темно.

Кто-то закричал, чародеи повскакивали с кресел. Шон повернулся – стражи торопливо попятились, вытаскивая свои странные метательные снаряды из ножен и чехлов. Анита в этот момент ощутила, что с ней происходит нечто очень необычное. С ее рук свалились кандалы, хотя она ничего для этого не сделала... Или все же сделала? Она только и подумала, что кандалы мешают... Мешают ей устроить в этом зале...

6

С оглушительным звоном лопнули стекла в двух соседних окнах, осколки заскакали по полу. Грохоча, посыпались кирпичи: кусок стены, содрогнувшись, пошел трещинами, просел внутрь... Там, где между стрельчатых окон только что была каменная кладка, показалась драконья голова. Сперва Анита решила, что это Кардамуд, но нет – и чешуя другого цвета, и вообще... Помимо прочего, у этого дракона оба глаза были целыми. Они уставились на находящихся в зале так внимательно, что чародеи невольно замерли. Голова медленно поворачивалась; из-за стены доносились гулкие хлопки крыльев, удерживающих дракона в воздухе.

– Кардамуд, они здесь! – высоким голосом произнесла голова, отодвигаясь обратно. – Эгей, милый, здесь, говорю!

– Да, да! Сейчас, дорогая! – раздалось издали. – Я спешу, ох как же я спешу...

Тут Аниту посетило чувство, похожее на то, что она переживала не так давно, до того как попала в замок великого лорда: что-то теплое и мягкое заворочалось, но теперь не внутри, а вокруг нее. Потом *она* проникло в тело, шевельнуло коротко стриженную челку ведьмы, потекло от кончиков пальцев к предплечьям, скапливаясь в груди... Затем стало подниматься, подступило к горлу – и запросилось наружу. Анита едва сдержалась, чтобы не захихикать. То, что поселилось внутри нее, было другим, не похожим на заклинание старой Беринды, куда более мощным, могущественным.

Тем временем Тремлоу медленно и очень внушительно шагал в сторону конвоя, а чародеи пятились. Один попытался швырнуть в рыцаря стальную звездочку, но снаряд, пролетев совсем немного, почему-то свалился на пол.

Шон прыгнул.

Анита ощутила, что больше сдерживаться не может. Теплый искрящийся ком вырвался из нее: ведьма, выгнувшись назад и расставив руки, запрокинула голову к потолку. Громкий, радостный смех ее заглушил, казалось, крики чародеев, хлопанье драконьих крыльев и гудение поднимаемого ими ветра.

Развешанные по стенам венцы и диадемы сорвались с гвоздей, звенящей стаей взвились под потолок, закружились тяжеловесной метелью и обрушились на Совет чародеев. Атаковавшие магов короны, обручи и диадемы сами собой надевались им на головы, на руки, звонко хлопали по задкам, носились, звенели, грохотали, бренчали и тархтели.

Чародеи заматались, сталкиваясь и падая, потом сбились в кучу, пытаясь спрятаться за спинами друг у друга, но тщетно: украшения продолжали атаковать. А ведьма все не могла успокоиться – смеялась, взмахивая руками, и порванные рукава платья вились вокруг нее.

Шон в это время методично колотил конвой – вскоре черные балахоны равномерно покрыли пол вокруг. Рыцарь оглянулся, но Аните помощь не требовалась. Ей сейчас вообще ничья помощь не была нужна: она хохотала, упиваясь невесть откуда взявшейся мощью.

– Адская преисподняя, чтоб меня разорвало! – Яростные рыки доносились из толпы колдунов, окруженных звенящей стаей железа, золота и серебра. – Братья, о, братья, утащите же меня отсюда! Оттащите куда-нибудь в золотистую мглу!

Короны и обручи безостановочно кружились, пикировали на людей, ударяясь о разные части их тел, взмывали под потолок и снова падали, словно коршуны, углядевшие добычу.

– Бежим! – наконец возопил капитан «Крылатого Орла». – Заклинания не действуют! Моя магия бессильна... ай-ай-ай!!! – На его голову свалился широкий тяжелый обруч и завертелся юлой, дробно колотя по лбу.

– Моя тоже! И моя не действует!

Колдуны – кто бегом, а кто и на четвереньках – кинулись прочь, Шон провожал их пинками. Рыцарю, возможно, было не так весело, как Аните, но и он ощущал душевный подъем.

В образовавшуюся на месте окон широкую дыру спикировал Кардамуд. Мощные лапы дракона заскользили по полу, длинные когти взбороздили плиты, оставляя на отполированной поверхности глубокие царапины. Тормозя, он расправил крылья, которые перед этим сложил, чтобы проникнуть в зал сквозь пролом.

– Вот и я, вот и я, дорогие мои хранители! – почти пропел дракон, сверкая глазом. – Ага, эге, ого! Вот и я, почтенные!

– Кардамуд! – поприветствовал его Шон.

Анита махнула рукой, и тогда словно по команде украшения металлическим градом посыпались на пол, затарахтели по плиткам, гремя и раскатываясь во все стороны. Кардамуд, остановившийся к тому времени посреди зала, удивленно покосился на них, но ничего спрашивать не стал.

– Что новенького? – спросил Тремлоу.

– А я за вами прилетел, – сообщил дракон с некоторым смущением. – В лесу я... Вынужден принести свои извинения, я несколько, так сказать, увлекся... Только тише, тише! – Кардамуд вдруг замахал на них крыльями, будто это говорили Шон с Анитой, а не он, и с опаской оглянулся на окно. Дракониha находилась где-то снаружи, видно ее не было – должно быть, летала вокруг башен или опустилась в замковый двор. – Я тогда, в общем, несколько задержался, м-да...

Своим единственным глазом он покосился на ведьму, на рыцаря и добавил уже тише:

– Только вы – молчок, да, правильно? Про лес – молчок, ведь верно, ведь так?

– Да ладно тебе, – сказала Анита. – Ничего мы никому не скажем. А как ты нас нашел?

– Ну как же! Когда вернулся к костру, там никого не было... Собственно, и костра тоже не было. Зато между деревьев летал дротик. Знаете, такая железка с красным хвостиком, ими чародеи из Братства пользуются. Я сразу догадался! Немедленно понял, въехал, просек, да-да – осознал, что в этом замке отыщу вас скорей, чем если стану преследовать, гоняться, носиться за воздушным кораблем... Ведь чародеи могут летать невесть где!

– Да, кстати, насчет корабля... – сказала Анита.

Ощущение радостного могущества по-прежнему переполняло ее – ведьма чувствовала себя словно девочка, которой хочется скакать на одной ноге, прыгать и вообще всячески веселиться. Едва сдерживаясь, Анита кинулась к окну, вернее, к тому, что осталось от окна после появления Мелониты. Оперевшись на остатки подоконника, выглянула наружу.

Во дворе трепыхался на приколе «Крылатый Орел». Ковры-самолеты силились взлететь, но швартовы держали прочно. Мелонита, величественно взмахивая крыльями, кружила между башен и методично выплевывала сгустки пламени в каждую бойницу. Дым серыми клубами поднимался над замком и постепенно таял, подхваченный ветром, растворялся в голубом небе.

Анита рассмеялась, залезла на подоконник и выкрикнула заклинание – раньше ведьма его не знала, слова будто сами собой пришли на ум. По палубе «Крылатого Орла» побежали трещины, змеясь и хрустя деревом, разошлись в разные стороны, на ходу становясь все шире... Доски настила стали приподниматься, с треском и скрежетом выворачиваться, взлетать в воздух вместе с длинными гвоздями. Вот обрушилась стойка белого фонаря, вот зашаталась башня... Из самой широкой трещины неуверенно высунулся угол с потрепанной кисточкой, некоторое время торчал неподвижно, потом задержался, полез наружу. Показалась свалывшаяся бахрома, непривычный орнамент – очень яркий и пестрый. Вскоре из-под разрушенной палубы целиком высвободился ковер, а за ним уже лезли другие – они карабкались, скреблись, выползали наружу, окликаая друг друга гортанными голосами. Наконец две дюжины их собрались на испещренной дырами и трещинами палубе «Крылатого Орла». Они принялись расправлять складки, трепыхать бахромой, оттопыривать кисточки и выгибаться, будто оглядывая самих себя.

В небо взмыла пестрая стая – красные, синие, голубые и зеленые пятна поднялись над стенами, выше порхающей у башни драконихи, повернувшей голову на длинной шее и проводившей их удивленным взглядом, выше шпилей и выпелов. Ковры выстроились неровным клином и, трепеща длинной бахромой на ветру, поплыли прочь. Порыв ветра донес до окна куплет распеваемой хором песни:

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток,
и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей на страшный
господень суд.
Но нет Востока, и Запада нет...

Постепенно прямоугольные силуэты, держащие курс на восток, растаяли в синеве. Снизу донесся глухой треск, и ведьма перевела взгляд на замковый двор. Изувеченный корпус «Крылатого Орла» разломился напополам, венчающая его башня, кренясь сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее, обрушилась, испустив на прощание струйку бледно-синего дыма.

Вздохнув, ведьма прыгнула и повернулась.

– Да, так я говорю, корабль... – неуверенно заговорил Кардамуд. – Он может летать невесть где, но в конце концов непременно, обязательно, неизбежно возвратится сюда, в замок. Ну я и подумал, что отыщу вас здесь... И таки не ошибся, как видите, не ошибся. По-моему, все сложилось как нельзя лучше. Разумеется, я озаботился тем, чтобы спрятать в надежном месте Жезл Страсти...

– Зачем? – спросил Шон.

– Ну как же! – Дракон очень по-человечески пожал плечами. – В присутствии Жезла мощь чародеев усиливается. Они ведь потому Жезл-то и искали, да, именно потому-то и искали... Появись я здесь с Жезлом, все могло пройти вовсе не так уж и гладко...

– А Мелонита? – спросила ведьма. – Это ведь была она?..

– Да, это она, моя Мелонита. – Кардамуд склонил голову набок и зажмурил глаз. – И сказать откровенно, Мелонита – вторая причина моей задержки. Ну, тут такое дело, я надеюсь, вы понимаете... Я возвратился после долгой разлуки, Мелонита стосковалась, соскучилась... И тут вдруг – появляюсь я, да не один, а с Жезлом... С Жезлом! То есть я, конечно, не стал ей ничего особенно рассказывать про Жезл, зачем? И так хорошо, зачем же ей знать... Ведь правильно, ведь верно?

– Ага, – кивнул Шон. – Так что с Жезлом?

– А, ну я же говорю! Вернулся к Мелоните, мы... значит, мы поприветствовали друг друга... до утра, однако, приветствовали. Вот я и оставил Жезл в ее храме. Раз уж там все равно хранится какая-то... Ха! – сказал вдруг Кардамуд. – В храме хранится... Да, так вот, раз уж там, в храме, хранится какая-то хрень, то есть реликвия, пусть уж и Жезл заодно похранится, ведь верно, ведь правильно? Вот! Люди в храм все равно не ходят, боятся дракона, то есть Мелониту боятся. Там ваша реликвия будет в сохранности. Ну а мне в замок Братства не с руки с Жезлом... не с лапы то бишь... В таком вот разрезе.

– А Мелонита почему прилетела? – спросила ведьма, выглядывая наружу и наблюдая за тем, как дракониха обстреливает огненными выхлопами бойницы замковых башен.

– Мелонита. – Кардамуд посмотрел в дыру, оставшуюся на месте окон. – Ну что ж, Мелонита... Она решила немного развлечься, так она сказала. Столько лет... одна, среди руин... И еще сказала...

Дракон улыбнулся.

– Еще она сказала, что не отпустит меня больше никуда... не отпустит одного, да.

Шон подошел к Аните и тоже выглянул. Дракониша в самом деле развлекалась – облюбовав одну из замковых башен, кружила вокруг и оплевывала ее основание огнем. Когда камни раскалились докрасна, Мелонита, разогнавшись, обрушила на кладку хвост. Содрогнувшись, башня начала медленно клониться, роняя по пути камни и элементы орнамента, украшающего верхние ярусы. Она медленно переломилась на уровне третьего этажа, нижняя часть осела, верхняя, переворачиваясь в полете, сверзилась наземь и с оглушительным грохотом развалилась на куски. В воздух взметнулась туча пыли.

– О, моя Мелонита... – вздохнул Кардамуд. – Она так нежна и прелестна...

– Пора нам, – решил Тремлоу. – Как бы колдуны не пришли в себя.

– Пожалуй, – согласился дракон.

– Ну так позови ее...

– Конечно, мне жаль прерывать это развлечение, но если вы считаете... Мелонита, любовь моя! – взревел Кардамуд. – Эгегей, Мелонита!

Дракониша, парившая над руинами поверженной башни, развернулась и плавно спикировала к пролому в стене.

– Устраивать беспорядок – мое хобби, – сообщила она. – Если бы я не была обязана стеречь святыню... Что, дорогой? Зачем ты звал меня?

– Мелонита... Мои друзья хранители считают, что нам пора, – пояснил дракон, влюбленно глядя на подругу единственным глазом. – Я позволю себе заметить, что твое предназначение мы можем попробовать поискать вместе... и с гораздо меньшими последствиями для окружающих. Да, вместе. – Он подмигнул так сально, что Анита отвернулась.

Они с Шоном взобрались на загривок Кардамуда. Дракон протиснулся в отверстие, оттолкнувшись задними лапами, прыгнул. Оказавшись снаружи, он расправил крылья, спланировал от стены и устремился вверх, где поджидала Мелонита. Оставив позади полуразрушенный замок, драконы поднялись в небо. Далеко внизу над обломками башни, придавившей расплюснутый корпус корабля, еще поднималась пыль, сквозь которую поблескивали языки пламени – там что-то начало гореть.

День уже клонился к вечеру, небо из голубого стало темно-синим. Внизу проносились квадраты полей, мохнатые заплаты лесов и ленты рек. Драконы неслись, неустойчиво взмахивая широкими крыльями. Кардамуд старался лететь ровно, чтобы не уронить наездников, а развеселившаяся в замке чародеев дракониша вилась вокруг, то поднималась выше, то пикировала к земле, описывая круги и замысловатые кривые. Время от времени драконы перекликались громогласными голосами, оглашая воздух всевозможными словами вроде «лапочка», «милый», «рыбка моя», «зайка» и «пупсик», а однажды Мелонита, подлетев поближе, игриво пнула Кардамуда лапой в бок, от чего наездники чуть было не сверзились с него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.